

Владимир Комарьков

ХРОНИКИ АРЛИ

книга вторая

Кто я?

18+

Владимир Валерьевич Комарьков
Хроники Арли. Книга 2. Кто я?
Серия «Хроники Арли», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63629437

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98881-1

Аннотация

Мир со странным названием – Арли, в котором давным-давно живут люди, эльфы, гномы и другие расы. Мир, где над всеми господствует Церковь. Мир, в который раз в две тысячи лет приходит Убийца, чтобы уничтожить сложившийся порядок, покарать достойных и недостойных, спалить его в горниле войны. Продолжение приключений Александра, волею судеб попавшего в тело нищего подростка из катакомб, которому суждено стать новым Убийцей. Но хочет ли он того?

Содержание

ЧАСТЬ 1	4
ЧАСТЬ 2	17
Глава 1	17
Глава 2	31
Глава 3	35
Глава 4	47
Глава 5	55
Глава 6	73
Глава 7	84
Глава 8	91
Глава 9	103
Глава 10	114
ЧАСТЬ 3	119
Глава 1	119
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Владимир Комарьков

Хроники Арли.

Книга 2. Кто я?

ЧАСТЬ 1

Грунтовая дорога, высохшая до состояния асфальта, когда ее день ото дня поливает лучами беспощадное солнце, петляла между изумрудными холмами, словно нить неряшливой пряжи, то исчезая за очередным поворотом, то появляясь вновь с совершенно неожиданной стороны. Плавный и убаюкивающий пейзаж навевал спокойствие и умиротворение. Настоящий рай для художников, им бы пришлось по душе настроение этих мест. Слишком впечатлительные натуры, наверное, испытали бы благоговение перед Создателем, который своим мастерством касался самых потаенных струнок в душе, обволакивал очарованием и величавой неторопливостью сцены. Горизонт растаял, смазав границы между землей и небом. С любой возвышенности распахивались бескрайние просторы зеленого океана. Ни одного излома, ни проплешины, ни единого следа безжалостного течения времени, словно на свете не бывает резких, стремительных форм. Мы будто угодили в детскую комнату, убран-

ную в нежных тонах с плавными линиями и мягкими тканями. Природа вокруг поражала невинностью и нашептывала мысли о вечном. Легкий ветерок гулял по бахrome цветущей травы, причудливо изменяя ее узор, – все окружающее жило своей жизнью: воздух пел, холмы дышали, луга отвечали им взаимностью, оглаживая шорохом трав подножья дремлющих великанов.

Окружающий мир отчаянно напоминал Италию с ее виноградниками, холмами, травами, ниточками узких дорог, иногда попадающимися на глаза, но, к сожалению, не был ею, как, впрочем, не был и любой другой страной на Земле.

За последние дни ребёнок в моем сердце прибавил лет сорок, живописца прогнали вназад за пьянство, и теперь, бурывая взглядом бесконечную даль, я с трудом сдерживал раздражение и мрачно прикидывал, сколько ещё придётся плестись по жаре до ближайшего города. А ведь за плечами в лучшем случае четверть пути. Да, черт возьми, считай, что мы едва высунули нос за порог – я даже помню недовольную физиономию стражника у ворот Рогона, белеющую в пред-рассветной тьме. Впрочем, стоило ему бросить взгляд мне за спину, и навстречу устремилась самая радушная улыбка из всех, что я когда-либо видел. Мужик старательно раздвигал непослушные губы, демонстрируя обломки зубов, что не вызывало ничего, кроме желания дать ему в морду.

Я прикрыл глаза, думая о своем первом детском путеше-

ствии: вагон поезда, жесткая койка и мерное постукивание колес – все, как сейчас. Только вместо вагона – лошадь, койку заменило седло, а звук копыт почти не отличим от перестука колес. Я до того погрузился в воспоминания, что едва не вывалился из седла. А еще мне безмерно хотелось пить – ощущение, сделавшееся моим постоянным спутником.

Местное солнце с бесстрастностью механизма выжимало из путников влагу. Даже появившись у меня желание всплакнуть, тереть глаза в ожидании слез – напрасная трата времени. Я потрогал флягу, привязанную у подушки седла, – воды в ней оставалось не так уж много. Помню самое начало путешествия, когда по недоразумению заветную емкость убрали так, что дотянуться до нее мог бы только умелый наездник. Пришлось молча терпеть, проклиная свою безалаберность. Крутиться в седле? Увольте! Я даже оглядывался с опаской, не говоря уж о том, чтобы добраться до фляги.

Облизнув губы, я тут же вяло ругнулся: язык, пытаюсь смочить пересохшую кожу, поцарапался о шершавую, словно шкурка, поверхность. От жары плавилась мысли, а монотонное движение, скорее, не убаюкивало, а вводило в состояние, близкое к коме. Мысли текли вялые, как будто думал не я и не о себе. Да, старушка Земля осталась где-то там, за спиной, и эта часть тела канула в пропасть, утащив за собой все, что напоминало о цивилизации: телефон, самолеты, Интернет, космическую станцию «Мир». Даже туалетная бумага, и та исчезла в мгновение, когда я уснул в одном теле, а

проснулся уже в другом.

Разница в количестве дней в месяце сбивала с толку, но ведение дневника помогало вести хронологию. Сорок первого марта мы вышли из Рогона, утром тридцать четвертого июня семь тысяч пятьсот тридцать первого года наконец-то пересекли границу Темирской Торговой автономии и оказались в королевстве Гальд. Здесь мы первым делом повстречали братьев-инквизиторов во главе с Гюго из города Архана, до которого еще пилить и пилить. По какой-то причине, видимо, памятуя о распоряжении епископа, Оррик решил скрыть наше происхождение, и мы прикинулись сопровождающими эльфа, впрочем, Гюго особо и не усердствовал в расспросах. Он предложил проводить нас до своего города, сообщив, что вскоре мы должны соединиться с основными силами в лице главного инквизитора Поля.

Воины шли парами. Справа от меня погруженный в свои мысли дремал Аридил, за все время не проронивший ни слова. Оррик пропадал впереди. Я оказался предоставлен самому себе и спустя какое-то время от нечего делать принялся разглядывать наших сопровождающих.

К примеру, кто это едет вон там, впереди? Молодой человек – явно моложе всех здесь присутствующих лет на десять-пятнадцать – отличался от воинов не только возрастом, но и одеждой: длинный зеленый плащ с красным блестящим подкладом, штаны из ткани такого же, как и плащ, цвета – в

общем, ни грамма кожи – и в довершение всего длинный посох с тусклым камнем в навершии. Я сразу обратил на него внимание. Неужели передо мной маг?! Настоящий! Князь Аэлрэль, конечно, не в счет, за пять тысяч лет можно заделаться кем угодно.

Я не видел выражения лица мага, но почему-то представлял себе сурово сдвинутые брови, острый нос, пронизывающий взгляд, которому доступно знание сути вещей. Эдакий не по годам мудрый и уважаемый человек, который знал себе цену. Реальность, впрочем, вносила некоторые коррективы, с моего ракурса виднелась редкая, росшая клоками борода, как выклеванный воробьями газон, на молодом и свежем лице. Она портила все ощущения – ее я видел прекрасно, так как лошадь мага ступала в другом ряду, и его щека то и дело мелькала над широким воротником. Было бы здорово с ним познакомиться! Интересно, маги выше всех предрассудков или еще большие снобы, чем все остальные люди?

В следующую секунду голова мага дернулась ухом к плечу и развернулась под девяносто градусов – из его виска высунулось острие арбалетной стрелы. Болт пробил голову человека насквозь, удар, видимо, сломал ему шею. Затем последовал новый щелчок, и ещё один воин, за спиной которого висел лук, беззвучно опрокинулся на круп своей лошади: стрелок оказался безжалостно точен.

И только сейчас забили тревогу.

– К бою! – трубный глас Оррика разорвал тишину, и рас-

терянность людей сменилась лихорадочной суетой.

На нас напали, когда мы приготовились покинуть дорогу ради привала. Смерть вышла из рощи, вплотную подступавшей к тому месту, где нас ждал отдых, и тем неожиданней она оказалась. Люди совсем расслабились, по сторонам никто не смотрел, хотя вряд ли особенная внимательность уберегла бы этих двоих от тяжелой стальной стрелы.

– Спешиться! – заорал Оррик, видя, что Гюго чересчур долго мешкает с приказом. Похоже, опыта, того самого опыта, который позволяет не терять голову и уверенно командовать в бою, помощнику главного инквизитора не хватало, несмотря на весь его суровый внешний вид. К счастью, Оррик достаточно быстро сообразил, что пора брать бразды управления на себя.

Люди бестолково ерзали в седлах и в растерянности оглядывались по сторонам, получив четкий приказ, они встрепнулись – умелый командир в бою стоит половины отряда! Впрочем, время, пожалуй, самый редкий ресурс, за который приходится драться. Враг слишком хорошо понимал, что растерянность играет ему на руку, а время – напротив, позволяет подготовиться нам.

Из леса в нашу сторону бросились люди. Так как у меня процесс спешивания отличался от общей массы, то получилось, что я в данный момент единственный оставался в седле. Звёздочка преспокойно игнорировала мои команды, увлеченно рассматривая зад впередиидущего жеребца, а я

не был излишне настойчив, замороженный происходящим. В итоге, похоже, лишь мне было видно: количество нападавших значительно превосходит наше число. И хотя мечей у них не было, копыя, топоры и дубины смотрелись не менее грозно.

Небо кувыркнулось в глазах, и я очнулся уже на земле. Сначала я решил, что в меня попал болт, но боли не было, а надо мной склонился пышущий раздражением Аридил.

– Мишень из тебя превосходная! – рявкнул обычно спокойный эльф, оглядываясь по сторонам. – Но постарайся раньше времени не умирать. Мне хватило одной попытки, в следующий раз Оррик может не успеть сообщить мне, что ты все-таки жив.

– Оррик, похоже, в курсе, что происходит, – выдавил я из себя. – Я заметил, как он отвечал этому Гюго!

Аридил жёстко на меня посмотрел.

– Ты ошибаешься!

– Но... – хотел было возразить я, но меня перебили.

– Тебе не кажется, что сейчас не самое подходящее время выяснять отношения? – Эльф поморщился. – Подожди, пока мы разберёмся с этой толпой.

– Их гораздо больше, чем нас, – выдохнул я, признавая правоту эльфа.

– Значит, это займет чуть больше времени, чем я планировал, – он голосом выделил слово «больше». – Так что постарайся не лезть на рожон и не умереть раньше, чем поло-

жено на роду.

У меня на этот счет имелось собственное мнение, но действительно, сейчас не к месту о нем вспоминать.

– Я постараюсь, – пообещал я, лежа в пыли.

– Уж будь так любезен, – улыбнулся мне Аридил. – Оррик, он на тебе!

Вот уж не думал, что наш тихоня в состоянии переорать шум боя.

В следующее мгновение мир снова пришёл в движение: меня вздернули на ноги – за спиной стоял Оррик.

– Их человек тридцать! – крикнул я.

Инквизитор лишь отмахнулся.

– Хороших воинов тут немного. Меня беспокоят стрелки. Попасть в голову с такого расстояния могут немногие.

Нападавшие преодолели разделявшие нас метры, и мне стало не до бесед. Лошади разбежались в страхе, теперь мало что закрывало мне вид: на каждого из наших приходилось по двое-трое врагов. Я видел, как за секунды пали еще двое наших, одного достали с ходу копьем, второму сзади попали со всего маха дубинкой так, что голова словно взорвалась от крупнокалиберной пули – мозгами забрызгало нападавших.

Бой завязался отчаянный, никаких раскачек и вялотекущей оценки противника. Я не успевал крутить головой. Со всех сторон неслись хеканье, тяжелое дыхание, крики, предсмертные хрипы. В уши настойчиво лезли хруст костей и влажное чмокание от ударов тяжелым по незащищенным ме-

стам хрупких человеческих тел. Звон оружия и скрежет зубов эхом разносились над полем битвы. Страшно было первые несколько секунд, а потом адреналин добрался до головы, и все мысли испарились.

Уже спустя минуту дерущиеся перемешались, и мне стало казаться, что каждый пытается убить каждого, не различая своих и чужих. Мне, во всяком случае, это бы точно не удалось. Какофония криков достигла такой насыщенности, что в мире больше ничего не осталось, кроме остервенело размахивающих оружием людей. Впрочем, людей ли?

Прострация – вот лучшее слово, чтобы описать мое состояние. Я повиновался чьим-то командам, послушно передвигая ногами, в руках оказался нож, я размахивал им, пока не получил чувствительный удар по затылку – как выяснилось от Оррика.

– Сдурел?! – он бешено вращал глазами, лицо все залито кровью, волосы сосульками стекали с лица. – Держись за мной!

Чудо, что до меня пока не добрались, заключалось именно в нем, Оррике, страшном воине, злобно скалившем зубы. Он встал передо мной, уперевшись ногами в землю, в его руках бабочкой порхал стальной клинок. Мне казалось, что я видел все, но я упустил момент, когда он искупался в крови, и к своему стыду, я не мог сказать, была ли это только чужая кровь. На моих глазах он убил уже четверых, действуя крайне уверенно и расчетливо, так что схватка начала обтекать

человека, несущего смерть с такой лёгкостью.

В остальном дела наши были плохи. Вокруг нас ворочалось еще три рычащих клубка. Ребят Гюго зажали – на них приходилось по три-четыре воина, увлеченно тычущих в них копьем или старающихся достать дубиной. Эльф вообще куда-то пропал, но чуть вдалеке слышались крики, и оставалась надежда, что он все ещё жив.

Повсюду вокруг лежали люди, не все они были мертвы, некоторые стонали, кто-то ворочался, большинство окровавлено. Я видел смятые в лепешку головы и покалеченные руки, все еще не выпустившие из пальцев оружие. Даже если бы я не был уродцем, вряд ли оказался готов участвовать в подобной резне. Мозг работал вяло, лишь бесстрастно фиксируя окружающее, в противном случае я давно потерял бы сознание.

Впрочем, надолго в покое нас не оставили. Оррик схватился сразу с четырьмя. Меня пока что не замечали, не принимая в расчет. Да и какая от меня может исходить опасность – с моим горбом я никому не противник. Инквизитор старался держать их на расстоянии, но в конце концов его оттеснили. Чтобы не попасть под удар, я вынужден был отбежать в сторону, восхищаясь, с какой лёгкостью Оррик отражает очередную атаку и противостоит сразу нескольким далеко не слабым противникам.

Ещё я заметил, что он все время перемещается, чтобы враги мешали друг другу, выстраивая их в одну линию. Из-

за этого одновременно ему приходилось биться лишь против одного или двух человек. Остальные вынуждены были искать новую позицию для атаки. Наконец Оррик сбил одного из них с ног и коротким ударом ботинка, которые я уговорил мастера сделать и для него, проломил ему голову.

И тут я увидел эльфа. Аридил не шел – парил над схваткой, превратившись в ангела смерти. Кровь заливала его с головы до ног. Страшное даже на вид оружие, казалось, вращалось одновременно во всех плоскостях. Он появился откуда-то сбоку и с ходу врубился в одну из кучек, за пару секунд разметав всех, кто в ней был. Кровь летела, как будто люди попали под вертолетный винт. Аридил что-то бросил оставшемуся стоять изможденному и израненному человеку, а потом скользнул к следующему месту схватки. И я наконец понял, у кого на самом деле не было шансов. Вот оно, преимущество классического образования!

Знаете, ведь как бывает? Злодей получает смертельный удар за секунду до торжества. Злодеем я себя не чувствовал, но на классический ход всех киношников нарвался по полной программе. Я слишком рано решил, что наши уже победили, поэтому для меня оказалось полной неожиданностью появление здоровенного воина с тяжёлым мечом в пятнадцати шагах от меня.

Он тоже был залит кровью, кожаный доспех пробит на боку и груди, но взгляд его жег, как лазерный луч, и умирать он не собирался. К сожалению, я сам виноват: чересчур бурная

радость привлекла внимание врага, вызвав кривую усмешку у него на лице. Он бросил взгляд на Оррика, который к тому моменту расправился еще с одним человеком, и, перехватив меч получше, направился прямо ко мне.

Аридил, как ни странно, первым заметил угрозу, но, ввязавшись в драку сразу с пятью противниками, даже с его умением не мог немедленно прийти мне на помощь.

– Оррик! – вскричал он отчаянно. – Иан! Оррик!

Инквизитор тоже заметил, что у меня намечаются смертельные затруднения. Его попытка прорваться ко мне едва не стоила ему жизни. Он ещё раз взвинтил темп, но то ли на этот раз его противники оказались не из последних, то ли сказывалась усталость, – ему так и не удалось задуманное. Судьба в очередной раз подкинула мне задачку. На этот раз в ней было не меньше ста килограммов, а в руке зажат меч.

Воин решительно приближался. На его лице играла презрительная ухмылка, над головой черным-черно от намерений. Иллюзий я не питал: сбежать от него я бы не смог при самом хорошем раскладе, убить прекрасно вооруженного человека, который к тому же знает, с какой стороны братья за меч, – история из разряда фантастики. Осталось одно: тянуть время, пока мои спутники не покончат со своими проблемами, и тогда они разберутся с моей.

– Уважаемый, – крикнул я, отступая, выставив вперед правую руку. – А с какой стати, позвольте спросить, вы набросились на мирных людей, которые шли себе и никого не

трогали...

– Это инквизиция-то мирные люди? – с усмешкой прорычал мужик. – Я удивляюсь, как это они такого уродца не сожгли на костре. Ну ничего, я исправлю их ошибку, а затем разберусь с остальными!

Воин догнал меня и сбил с ног. Получив удар кулаком в лицо, я «поплыл». Мир потек перед глазами, начал вращаться, постепенно замедляясь. Я моргнул и увидел, как острие меча возносится вверх, чтобы через секунду оборвать мне так дорого доставшуюся свободу, а заодно и во второй раз мою жизнь. Возносящийся кверху меч лишал сил, завораживал своей безысходностью, на грани сознания разряженной батареей моргала мысль, что жить мне оставалось считанные мгновения. Нормально, по-человечески...

В следующую секунду меня словно ударило током и подбросило вверх. Никогда в своей жизни я не двигался так быстро, а моя рука, в которой был стиснут нож, подаренный Орриком, оказалась ещё быстрее. Не помня себя, я бил и бил в не защищенный доспехами низ живота, тесно прижавшись к ненавистному телу. Отчаянно резало глаз под повязкой, в ушах гудело, а сверху на голову падала рукоять чужого меча – память тут же услужливо подсунула воображению звук моей первой смерти.

ЧАСТЬ 2

Глава 1

Эта прогулка под палящим солнцем началась почти два месяца назад с довольно памятного разговора. Не знаю, сколько прошло времени, после того как кинжал эльфа вспорол мне сердце.

Холод – вот первое, что я тогда почувствовал, едва открыл глаз. Вдаль убежал лунный пейзаж, кратеры, выбоины, мелкое коричневое крошево – все такое преувеличенно громоздкое, большое, словно под микроскопом. Где-то посередине возник скрежет, ему вторил хрип, в центре моего существования что-то дрогнуло, зашевелилось, стронулось с места; легкие, словно гигантские меха, втянули первую порцию воздуха, послышался звук, с каким утопший делает спасительный вдох. Грудь стиснуло, и я закричал, захлебываясь чем-то тягуче-приторным. В висках громыхнул первый «бум», пружавевший механизм провернулся. Новая вспышка ослепительной боли. Грудь разрывало на части. Меня вывернуло, по телу побежала сильная дрожь, как будто сквозь него пропустили разряд. Снова вздох, его сделать так трудно, что нестерпимо хотелось протолкнуть воздух руками. «Бух-бух». Взгляд то застилала молочная пелена, то прояснялось,

и тогда перед глазами возникала ставшая привычной картина красной пустыни. Третий удар запустил мысли вскачь.

Рядом с лицом опустился чей-то сапог, и меня осенило, что я просто лежу на полу из каменных плит. По поверхности обуви пробежала волна, и кожа текстурой подстроилась под камень – очень уж знакомые сапоги! Мысли оказались прерваны новым спазмом. Меня вырвало. Мозг подсказал пугающее слово «кровь». Снова одиночное «бум», звук напомнил чихание стартера, и мотор, мое дырявое сердце, вдруг схватился. Я почувствовал, как грудь отпускают стальные крючья смерти, гул в ушах стихает, и услышал сочувственный голос:

– С почином вас, юноша. Не буду обнадеживать, что после будет легче. Приходите в себя, и вернёмся к нашему делу. – Коричневая громадина исчезла из поля зрения. Провожая ее глазами, я узнал помещение: мы все еще в кабинете епископа. – Вам повезло. Помнится, один из ваших поймал горлом стрелу. Оказалось, он совсем новичок, но никому тогда и в голову не пришло извлекать из тела оперенную вестницу смерти. Так он и умер три раза подряд, бедняга. Хрипел и скреб горло руками, скорее приближая конец. – Эльф хмыкнул. – Мироздание стремится к равновесию, и чем больше сил будет дано вам впоследствии, тем меньше шанс их использовать на свое благо. Так что умереть сразу трижды – это то, что заслуживаете все вы. С жизнью же расстаться так просто, – я услышал легкий щелчок, напоминающий стук ко-

стяшек.

«Один из ваших» – это, несомненно, про одного из моих предшественников. Ну да, про тех четырнадцать человек, что стали бичом для Арли. Бичом, который щелкает раз в две тысячи лет. Бичом, одним из которых, так уж вышло, стал и я, Александр Гроцин, ныне пацан семнадцати лет по имени Иан. Я – Враг. Но я смогу избежать этой участи, если не погибну три раза. Это заветная цифра, которую стоит запомнить лучше, чем день своего рождения. Ибо, как только трижды остановится сердце, планы на будущее можно будет больше не строить, и одну попытку у меня уже отобрали.

Воспоминания молнией сверкнули и тут же поблекли. Секунды мне хватило, чтобы вцепиться мыслью в слова, произнесенные эльфом. Я похолодел. Одной стрелой можно убить сразу три раза?! Где же хваленая регенерация? Или как раз она-то и убивает? Ты возрождаешься со стрелой и умираешь от нее снова. Меня бросило в жар: получается, стоило Аэлэрэлю оставить кинжал в моем сердце, как период моей осмысленной жизни закончился бы, не начавшись?!

Глазами обшарив камень, я только сейчас заметил, что плаваю в луже крови. Да, теперь не оставалось сомнений, что я воскрес на том самом месте, где меня решили поучить уму-разуму. Доказательством тому испорченная одежда с аккуратной дырочкой напротив левой груди – князю не откажешь в ювелирной точности действий.

– А если отрубить голову? – прохрипел я, изучая на ощупь

кожу напротив сердца: на ней не оказалось и следа от кинжала.

– Топор – это для благородных, вашим, как правило, достаточно и верёвки. Впрочем, если так хочется, всегда можно договориться об исключении.

Заманчиво, но торопиться не будем. Оставим все глупые вопросы на будущее. Главное, легкие снова работают, как обычно. Я попытался подняться и тут же перехватил направленный в мою сторону холодный взгляд, над головой светилось зеленым ровная, гладкая сфера. Но, демон его задери, я терялся в догадках: то ли он так доволен расправой, удовлетворив чувство мести, то ли у него просто хорошее утро. В отличие, кстати, от моего. Не припомню, чтобы в нем после плотного завтрака что-то говорилось о смерти.

Спустя мгновение я с сожалением осознал, что слишком высокого мнения о собственной выносливости. От приложенных усилий помутнело в глазах, я начал заваливаться, но тут же спиной ощутил поддержку. Распахнул глаза и с изумлением увидел в десяти сантиметрах улыбку на холеном лице. Аэлэрэль не дал мне упасть, в губы ткнулось что-то холодное и жесткое, в нос ударил изумительный аромат.

– Пейте, это вино, – повелительно произнес князь. – Вы, молодой человек, потеряли чересчур много крови.

В какой-то момент эльф приблизился настолько, что запах вина отошёл на второй план. Я ощутил, как пахнет Аэлэрэль. Тонкий, но столь мощный букет запахов, исходящий от

его тела, оказался настолько настойчивым, что все остальное вмиг забылось. Цветы. Пахло цветами, как будто корицей и ещё чем-то безобидным, почти незаметным. От этой смеси бежали мурашки по коже, хотелось, как щенку, прижаться к нему щекой, потереться, чтобы ощутить причастность к чуду.

Мне впервые довелось столкнуться со столь сильным желанием, какая-то часть моего «я» оказалась не в силах сопротивляться. Аура князя заполонила все. Зелёное бесконечно живое поле, я почти физически ощущал радость существования, склонившегося надо мной. Аэлэрэль был в восторге! Мне ещё не приходилось сталкиваться со столь насыщенной краской. Инстинктивно я перехватил его руку с бокалом, и в тот самый миг, когда ладонь дотронулась до его пальцев, мое тело пронзило током. В его мыслях было совсем иное. Ненависть, презрение, брезгливость – меня словно окатило помоями. Я почувствовал, что теряю контроль.

«По твоей вине, длинноухий ты ублюдок!» – мысли черной кляксой скользнули перед глазами. Передо мной замаячила незащищенная грудь, прикрытая лишь парадным костюмом. Я аж затрясся, зубы свело, так что я не мог ни что-то произнести, ни сделать глоток. Мой взгляд опустился, и я увидел тот самый клинок, что пригвоздил меня к стулу, как муху. Он безжизненно свисал с пояса эльфа на тонком ремне в нескольких сантиметрах от моей раскрытой ладони. Меня осенило: «У этой сволочи в одной руке я, в другой чаша с

вином – успею!»

В следующую секунду чудовищная сила подняла меня в воздух, и я на секунду обрел способность к полету. Ещё мгновения хватило, чтобы понять: рожденный горбатым – летать может, но ничего общего с чувством свободы эта история не имеет. Встреча с камнями пола напрочь отшибла дух, меня несколько раз перевернуло, я вообразил себя лавиной, пущенной с гор, но поток нес совсем недолго: три кувырка, и я замер носом к стене. Двигаться не хотелось. Сердце опять изображало чахотку, судорожно выплевывая удары, звезды в глазах заставляли сжаться от страха ожидания, что вот он, второй раз. Но миновало. Я снова пришёл в себя, похоже, на какое-то время потеряв сознание от удара.

– Надо же, – укоризненно заметил скрипучий голос, – а я считал вас благоразумным молодым человеком.

– Надо же, – услышал я свой переломанный шепот, – я тоже. – Осознание, что немедленной смерти удалось избежать, ничуть не уменьшило шок от произошедшего: я был готов убить. Но и эльф хорош! Скрыл от меня свои чувства. Как? Как ему удалось? Но касание руки расставило все по местам. Видимо, лучше «контакт», и даже такое древнее и могучее существо не может сопротивляться дару.

Вот только теперь совпадение наших желаний меня уже не радовало. Следует держаться настороже. У князя даже за тройным дном может скрываться секрет. Но об этом я подумаю позже. Ни в коем случае нельзя дать понять, что я чи-

таю его, как открытую книгу, пусть вместо слов одни лишь картинки. За ними не скроешь руку с кинжалом.

Мое невнятное бормотание услышали. Епископ громко хмыкнул, в тишине послышались его старческие шаги. Какой актер! Если бы не видел собственными глазами, сколько прыти в его тщедушном теле, ни за что не догадался бы, насколько старикан талантливый лицедей. Все они тут артисты больших и малых театров.

Сколько косточек я недосчитаюсь сегодня? Выходка с ножом может стоить мне слишком дорого. Если так пойдёт дальше, то шансы выйти отсюда живым – призрачные. Крякнув, я рывком приподнялся и, на миг пожертвовав сознанием, все-таки оперся спиной о стену. Стало легче. Нос тут же сморщился: в помещении перемешались запах крови и пьянящий аромат отменного красного. Я осмотрел себя: на одежде бурели пятна. Потерев пальцами то, что выглядело совсем свежим, я понюхал ладонь: вино. Костюм, за который я отдал немалую часть сбережений, оказался безнадёжно испорчен. Как в поэме: кровь и вино. Ни то, ни то не отстирывается. И да, кровь действительно нужно чем-то восстановить.

– Можно мне глоток?

Князь стоял у окна. Он бросил равнодушный взгляд на стол епископа, где стояла початая бутылка.

– Можно.

Ага, как я и предполагал, рисковать он не будет. Да и за-

чем Аэларэль вообще полез со своей помощью? Показать участие? Угрызения совести? Смешно. Я уверен, за пять тысяч лет от этих штук у князя ничего не осталось. Высохли и отвалились. Тогда зачем? Очередная игра напоказ? Но перед кем? Себя, конечно, я за фигуру не брал – не тот вес и коленкор. Но кто еще сможет оценить его пантомиму? Или как раз наоборот? Что может быть восхитительнее, чем пьянящее чувство превосходства над Убийцей, именем которого заставляют содрогаться в страхе планету. Власть над ужасом прошлого – отказаться от такой приманки сложно даже древнему интригану.

Я искоса за ним наблюдал. Сейчас Аэларэль демонстрировал холодное высокомерие. Но я-то видел, что его настроение ничуть не тронула моя неудавшаяся попытка. Значит, ждал и догадывался! Но как он мог предугадать, что его действия вызовут такую реакцию? Выходит, помощь – хорошо разыгранная провокация! Черт возьми, сейчас подобные вопросы слишком сложны для моего измученного событиями мозга. Но полно, мне действительно хотелось вина. Его запах дразнил. Пузатая бутылка, в которой оставалась еще половина, мозолила мне глаза. Вставать самому? Упаси боже, ещё и тут опозорюсь.

Помощь пришла с неожиданной стороны. Епископ, меривший шагами пространство перед столом, подхватил бутылку за горлышко, близоруко сощурившись, посмотрел на просвет и сделал добрый глоток. Уровень жидкости ощути-

мо просел, я помянул и его нехорошим словом.

– Кислятина, – поморщился он, доковылял до стены и сунул бутылку мне. – Сразу все не пей, у тебя и так с головой неважно. Или, знаешь, можно вернуть тебя обратно в подвал. Номер-то свободен.

Мне стало не по себе. Конечно, я догадывался, что епископ вряд ли исполнит угрозу, но сам факт, когда из уст человека такого ранга срываются подобные обещания, не способствует душевному равновесию.

– Спасибо, я сыт по горло вашими пытками, – как я ни пытался сдержать дрожь, у меня не получилось продемонстрировать стойкость. Уж не знаю, что меня выдало, но епископ аж подпрыгнул от вскипевших чувств.

– Пытки?! – заскрипел он, и я впервые за все время услышал его смех: нечто среднее между скрипом металла по стеклу и уханьем филина, больного бронхитом. Я даже про вино позабыл, обняв его, как пьяница прижимает к себе остатки от вчерашнего пира, которые внезапно обнаружили под кроватью после славной попойки.

Епископ долго и выразительно смеялся. Облако над его головой приобрело такой оттенок, какой бывает у травы в армии, когда ее, по словам отца, красили зеленой краской перед очередным смотром. Я же недоумевал. Что может быть смешного в пытках, которые длятся так долго, что забываешь, что жизнь наверху отличается от грязного крысиного пяточка, проклятого и солнцем, и луной? Мне стало казаться-

ся, что свою попытку покончить со злом я начал не с того человека. И хоть старость надо уважать, конкретно эту мне захотелось немного укоротить.

Наконец отец Тук справился с приступом веселья, и, подбоченившись, надвинулся на меня, как айсберг на набивший всем оскомину теплоход. Он остановился передо мной, покачиваясь на пятках. Ряса мешком свисала с его тощих плеч, поверх нее на груди массивно поблескивал символ церкви: три кольца с тремя мечами, устремленными внутрь. Эдакий олимпийский значок всемирно известного чемпиона.

– Повеселил, нечего сказать, – пропыхтел он. – Попытки, – он выговорил это слово почти с любовью. – Попытки, мой юный друг, к тому, что делал Крыса, не имели никакого отношения.

В смысле?! Я задохнулся от возмущения, не в силах вытерпеть удар ниже пояса. А что же это было?! Отпуск у моря?! Китайский массаж? Но озвучивать свои мысли я не стал, чудом ухитрившись задушить в зародыше всякое желание говорить.

– Если бы тебя пытали по-настоящему, – епископ опустился передо мной, уперевшись руками в колени, и ласково заглянул в глаза, – ты бы превратился в растение через пару дней, – он встал и покачал головой. – А может, и раньше. Крыса каждый день обивал у меня пороги, скуля, чтобы я либо позволил ему нормально работать, либо прекратил над ним насмеяться. Этот простак думал, что чем-то провинил-

ся, раз я не даю ему полную свободу воли. Но что поделать, только он был способен не заиграться, хоть и не понимал, зачем это нужно.

До сих пор меня грела мысль, что я вынес эти два месяца благодаря стойкости духа. Да я сам от себя не ожидал, что выдержу испытание. Но я смог! Я сам себя удивил. Мысли об этом так вдохновляли меня в дни, когда казалось, что уже ничего не поможет. И вот пожалуйста! Крепость оказалась бумажной, ей хватило грибного дождя. Как же я хотел услышать, что это неправда! Из-за его слов моя неприязнь словно удесятилась. Сама мысль об убийстве больше не казалась мне такой отвратительной. Я даже уже не знал, чьей смерти желаю больше. Впрочем, нет, знал: меня вполне устроит, если подохнут оба.

– Зачем? – одно-единственное слово протиснулось между губ. Пусть говорит, я чувствовал: если он замолчит, я брошусь, и будь что будет.

– Признаться, когда мне отдавали приказ начать поиски давно забытой легенды, – задумчиво проговорил отец Тук, – я не слишком верил в существование страшилок из древних сказок. Все эти советы и наставления звучали бредом свихнувшегося старика, помешанного на прошлом. И даже представление, устроенное на площади, не слишком убедило меня в обратном. Но то, что я увидел сейчас... – старик замолчал и посмотрел мне в глаза. Я почувствовал, что за безгливостью и недоверием скрывается глубоко упрятан-

ный страх. – Ты ведь совсем не о том спрашиваешь, правда? Ты хочешь услышать не то, зачем тебя пытали, тебя интересует, с какой стати я рассказал, что тебя не пытали вообще? – он растянул губы в улыбке, в которой не было ни капли человеческих чувств. – Не знаю, что Убийца чувствует, когда умирает, тут я вынужден довериться Аэларэлю, но я хочу обратить твое внимание на то, что если тебе не хватит благоразумия не совершать необдуманных поступков, и при жизни найдётся немало способов показать, насколько ты заблуждаешься. Ты не всемогущ, и то, что тебе кажется великим, песчинка у наших ног. Помни об этом. – С этими словами он отобрал у меня вино, а заодно и надежду на благополучный исход.

В этот момент до меня донеслись слова эльфа, они звучали так, будто он говорил за закрытой дверью. Мне пришлось сосредоточиться, чтобы понять, о чем идёт речь. Аэларэль продолжал как ни в чём не бывало, выбрав менторский тон добропорядочного наставника:

– Вам, юноша, уже известно, что Аридил составит вам компанию до самых ворот Академии. Впрочем, он останется и после: таким горячим ребятам нужен учитель хороших манер. – Князь посмотрел на меня долгим, пронзительным взглядом. Ждал, что я начну возражать? Не начну, я не доставлю вам удовольствия, вам обоим. Он хмыкнул. – Правда, признаюсь, ему может не хватить опыта в человеческом мире. Мальчик все это время просидел едва ли не взаперти

над книгами.

Мальчик? Назвать мальчиком существо, которому полтысячи лет... Ну да, племянник же.

– Не стоит волноваться, с ними будет Оррик. – Епископ опять занимал свое кресло, смотрясь в ней маленькой плюшевой тварью на большом человеческом стуле.

Князь бросил на него задумчивый взгляд.

– Я слышал, что он твой лучший человек.

А вот это уже интересно! Отец Тук тоже скрывал своё хорошее настроение под маской кислого раздражения. На его лице не осталось и следа от эмоций, бушевавших минуту назад.

– Во всяком случае, не из последних.

– Превосходно! – улыбнулся князь одними губами. – Значит, у нашего юного друга все шансы добраться до места.

Иными словами, у меня не будет шанса добраться куда-либо ещё. Со мной посылают не охрану, а соглядатаев, главной задачей которых будет довести меня туда, куда нужно этим двоим. И вот вопрос на миллион золотых: а так ли уж нужно данное место мне? Может, дело вообще в другом? Если в стремлении навязать мне плащ инквизитора нет двойного дна, я готов съесть подошву своих ботинок. Оба моих попечителя настолько поднаторели в интригах, что скорее перестанут дышать, чем сделают что-то без выгоды для себя. Пожалуй, мне лучше научиться спать вполглаза, чтобы не пропустить удар. А если учесть, что цели у них, скорее все-

го, различны, я легко могу оказаться перед необходимостью выбора стороны или же и вовсе оказаться против них всех.

Глава 2

Помню, после того нелегкого разговора нас довольно быстро выдворили из города. Кого нас? Ну, нас троих. На моей скромной персоне смысла останавливаться не вижу, а про спутников стоит сказать пару слов.

Один на черном, как смоль, коне покачивался впереди меня и чем-то отдаленно напоминал свой четвероногий транспорт – такой же здоровый, как дом, опасный, как голодный медведь, и при этом не менее злой. Оррик, а речь шла именно о нем, не слишком порадовался своему новому назначению, ещё больше его раздражала необходимость спешить, хотя, по его мнению, можно было выбрать и более комфортный режим движения, чтобы не жариться на полуденном солнце, и наконец, он слегка расстроился навязанной ему компании. Меня он еще готов был терпеть, потому что уже представлял, что можно ждать от такого соседства. А вот что ждать от... от... второго?

Тот пылил позади на ослепительно белом коне, который, впрочем, своей статью ничуть не уступал черному демону Оррика и поглядывал на своего собрата с некоторой снисходительностью, как будто был уверен в том, что только на белых разъезжают герои, а черные – так, для всякой шушеры, мяса на поля боя. На нем восседал мой второй спутник, длинные уши которого, торчавшие из-под гривы свет-

лых волос, выдавали в нем эльфа. Я украдкой поглядывал назад, рассматривая недовольную гримасу на идеальном лице, и мой взгляд то и дело натывался на оружие нечеловека – две сабли, соединенные вместе метровой длины рукоятью. Глефа – теперь я знал, как называется эта штука и с какой лёгкостью эльф обращается с необычным оружием. Помнил я и то, как некоторое время назад сам держал в руках его точную копию, правда, вряд ли эльфу следует знать, как я ею распорядился.

Эльфа звали Аридил, тот самый обещанный сопровождающий, племянник князя, пятисотлетняя недоросль с гипертрофированным чувством превосходства, пафосом, которому мог позавидовать даже его собственный дядя, и пренебрежительным отношением ко всем окружающим. Так как на данный момент его окружение ограничивалось нами двумя, на нас и выливался весь этот компот из его головы.

Он восседал на коне, как голиаф верхом на горе, и надо признать, мог себе такое позволить – ростом племянник вышел в дядю, совсем немаленький Оррик смотрелся рядом с ним обиженным недомерком, несмотря на то что был обряжен в кожаные доспехи и с головы до ног увешан разными инструментами для умерщвления себе подобных.

Время от времени я поглядывал на обоих своим особым взором, чтобы лишний раз убедиться, что даже погода может сменить свой гнев на милость, но два моих спутника тверды в своих намерениях и не изменяют себе ни на миллиметр.

Рискну предположить, что оба были крайне недовольны положением, в которое они угодили по вине тех, кому на их настроение оказалось плевать с самой высокой колокольни.

Душевное состояние Оррика цветом весьма напоминало черно-серую тучу над его головой, которая лишь на пару тонов отличалась от его скакуна со странной для боевого коня кличкой Ветерок. Воин злился, иногда в этой палитре проскальзывала досада, реже – ненависть, и совсем уж изредка распухали зеленые пятнышки. Полагаю, в такие моменты он представлял, как по-тихому душит эльфа в кустах, а тот эдак слегка подергивает ножкой, закатывая глаза. Что ж, у всех нас есть несбыточные мечты.

Мой второй спутник не слишком от него отличался. Облако над эльфом полыхало ненавистью столь незамутненной, что у меня всякий раз перехватывало дыхание, стоило глазам зацепиться за его край. Оно настолько не вязалось с выражением лица принца, что даже мне, человеку, не знакомому с дворцовыми интригами (а откуда ещё мог появиться отпрыск знатного рода, как не из дворца), становилось понятно, что передо мной разыгрывается какая-то сцена, свидетелем которой я стал в силу обстоятельств. Похоже, эльф далеко не так прост, как хочет казаться, и его умение играть на публику ничуть не уступает способностям прочих моих знакомых. Оррик получил достойную компанию, а я – приличную головную боль. Возможно, мое предположение о лёгкой прогулке так же далеко от действительности, как и мое буду-

щее – от определенности. Во всяком случае, их первая встреча оказалась весьма фееричной. Она состоялась сутки тому назад и до сих пор стояла перед глазами.

Глава 3

Помню, вперёд вышел отец Тук, чем вызвал лёгкое недомогие князя Аэлэрэля, и что-то сказал вполголоса. Аура князя резко почернела, заставив меня попятиться. Таким разгневанным я Аэлэрэля видел совсем недавно, ничем хорошим это не кончилось. Впрочем, на лице у него по-прежнему светилась доброжелательная улыбка. Похоже, епископ внес некоторые изменения в церемонию, не предупредив партнёра.

Дальше встреча приняла совершенно неожиданный оборот: Оррик, стоявший в нескольких шагах от племянника князя, не глядя на него, бросил какую-то фразу – я ее не расслышал, – которая возымела эффект разорвавшейся бомбы. Эльф выхватил глефу едва ли не быстрее, чем я успел моргнуть глазом, и без раздумий атаковал своего обидчика. Я оторопел: епископ возмущённо вскрикнул, но его выражение лица оказалось противоположно моим – старик пребывал в восторге! Да что происходит?!

Едва зазвенела сталь, в дело вмешался князь, видимо, больше не в силах терпеть творимые перед ним безобразия. Чего я ожидал меньше всего на свете – это способ, к которому он прибегнул. Эльф что-то пролаял коротко и указал рукой на сцепившихся драчунов. Здоровенное синее нечто плетью вытянулось из его кисти и играючи расшвыряло обо-

их в стороны, изрядно изваляв в пыли, а следом до меня донесся стук моей челюсти, упавшей на камни.

Синяя штука, словно кобра, сделала стойку, заискрилась золотыми прожилками и рассыпалась в пыль – князь сделал жест, как будто стряхивая с рукава снег. Меня трясло, я с трудом удержался, чтобы не закричать. Что это было?! Я быстро obeжал взглядом вокруг: никто и не думал смотреть на то место, где только что гигантская синяя змеюка разметала в стороны двух здоровенных озлобленных мужиков, а потом рассыпалась в прах. Неужели никто ничего не заметил?! Только я один видел эту штуковину?! Какого хрена вообще это было?! Магия? Та самая, о которой мне прожужжали все уши, что это бесполезная и малопригодная для стоящего дела вещь? Да у меня до сих пор дёргается в груди, как будто сердце хочет вырваться из опостылевшей клетки. Я стиснул зубы. К счастью, все глазели на сцену схватки и мою реакцию на происходящее посчитали естественной. Ещё плюсики к преимуществам, о которых никому не следует знать.

Хорошо, пусть будет магия, и я ее вижу. Но откуда у меня эта способность? Быть может, та самая добавка, дарованная мне после смерти? Или я и раньше мог нечто подобное, но некому было магичить поблизости?

Я ещё раз пробежался по лицам – похоже, и вправду синяя субстанция осталась для всех незамеченной. Взгляды следили лишь за упавшими на землю людьми. В противном случае, полагаю, их эмоции выглядели бы на порядок сильнее –

уж слишком необычен и вызывающ оказался вид гигантской руки. Я хмыкнул: интересно, а сам эльф видит свое колдовство или просто машет руками, проговаривая заклинания?

На идеальном лице эльфийского аристократа не дрогнул ни один мускул, но даже без всяких специальных способностей я разглядел, как он взбешен. Отец Тук – епископ тоже стоял тут рядом – в это время с кислой миной рассматривал неудавшихся поединщиков, которые в слегка расстроенных чувствах пытались нащупать в пыли потерянное оружие. Старик едва не плясал от радости, хотя и умело это скрывал, что весьма странно, ведь он только что стал свидетелем творимого волшебства и драки его подчиненного. В отличие от епископа, над лежавшими на земле людьми (эльфа я про себя решил называть человеком) розовыми поросятами подрагивали облачка изумления, оба драчуна в растерянности шарили глазами вокруг и ошарашенно трясли головой. Вряд ли они успели сообразить, что могло помешать выяснению отношений. Обо всем этом стоило поразмышлять, но точно не в данный момент. Не хватало еще упустить что-то важное. А что может быть важнее свары твоих покровителей?

Я с любопытством разглядывал эти розовые пузыри и недоумевал, почему некоторые чувства по цветам в принципе совпадают с моими ассоциациями, а некоторые, как вот эти, в корне противоречат. Ну скажите, с какой стати у изумления должен быть розовый цвет? Почему не голубой, не жёлтый, в конце концов? И как я вообще понимаю, что

это именно изумление, а не, скажем, страх или гнев. Механизм определения непонятен, инструкцию выбросили раньше, чем открыли коробку с подарком. Впрочем, нам не привыкать к методу тыка, главное, чтобы раньше времени ничего не сломалось – сервис-центра поблизости уж точно не сыщешь.

Тем временем Оррик с племянником князя пришли в себя и, судя по их виду, решили завершить начатое.

– А ну стоять! – рявкнул крупнокалиберной гаубицей голос отца Тука. И если никакой магии в нем не было и в помине, то по своим останавливающим свойствам он почти не отличался от магического щупальца. Впрочем, нет, отличался – я поковырял в ухе: инструмент князя обладал более избирательным действием, а инквизитор, как динамит, глушил всю рыбу вокруг.

– Впечатляет, – уважительно покачал головой князь, видимо, соглашаясь со мной. – Всегда удивляюсь, как ты это делаешь.

– А ты поживи с мое, – буркнул епископ в ответ то ли шутку, то ли издевку. – Эй, вы двое, а ну хватит изображать из себя боевых петухов. Марш сюда, не гневите меня и богов.

Подействовало! Оба драчуна, взъерошенные и помятые, словно побитые собаки, поползли к хозяевам. У них хватило ума сообразить, что приближаться к начальству с обнаженным оружием опасно пахнет открытым неповиновением, поэтому Оррик поспешно убрал меч в ножны, а перевязь

осторожно передвинул за спину – от греха! У Аридила такой роскоши не было: коса торчала над головой даже с его немалым для эльфов ростом, а лезвие тускло отблескивало налетом из пыли, что вкупе с некогда щегольским нарядом довершало разгром.

Меня оттеснили назад, епископ, героически выпятив хилую грудь, положил руку на верхний край сутаны и вышел вперёд, подбоченившись и разбрасывая вокруг колючие искры. Кроме нас троих и Оррика с племянником князя, на монастырской площади чуть поодаль стояли лишь Харальд с невозмутимой усмешкой на гладко выбритом, вытянутом лице и ещё один эльф, имени которого я не знал. За все время он не проронил ни единого слова. Судя по их аурам, Харальд немного скучал, а эльф был чем-то расстроен, но не сильно, а так, словно впопыхах забыл с утра выпить чашечку кофе.

Больше никого на площади не было. Более того, монастырь словно вымер: несмотря на не такое уж раннее утро – часы на башне показывали восемь, – ни одна живая душа не рвалась на работу: не гремела железом кузня, странно было не ощущать аромата свежего хлеба – да что там говорить, весь город замер вслед за монастырём в ожидании развязки. Я знал, что он буквально наводнен инквизицией, а эльфийские стрелки прячутся чуть ли не на каждой крыше. И зачем такие предосторожности? Что, кроме простуды, может угрожать одним из самых влиятельных людей на континен-

те? Представляю, о чем сейчас думают жители, какие ужасы рисует им их воспаленное воображение. Между тем все возможные события уже произошли, виновники найдены и понесли заслуженное наказание, ну или им ещё предстоит его понести.

Пока я предавался воспоминаниям и ломал голову над тем, что происходит, отец Тук успел забрызгать слюной и того и другого, даже эльфа, в самом начале пытавшийся слабо протестовать, сейчас просто уткнулся глазами в пол, понимая всю бессмысленность попыток вставить хоть слово. Чужое перед тобой начальство или свое – не отменяет того, что оно остаётся начальством. Тем более свое тоже рядом, просто протяни руку, сверлит дырки в проштрафившемся подчиненном, и в данном конкретном случае то, что оно по совместительству еще и является родственником, только ухудшает положение, потому что твой просчёт бросает тень и на его репутацию.

Тем временем, когда епископ пошел по третьему кругу и слегка растерял запал, – я видел это по ауре, изрядно поредевшей и посветлевшей, – его мягко перебил князь:

– Я полагаю, что каждый из вас осознает степень своей вины, – заметил он, на что и племянник, и Оррик отчаянно закивали.

Если бы кто-нибудь удосужился спросить меня, я бы рискнул предположить, что раскаянием тут и не пахнет. Если раньше они лишь немного недолюбливали друг друга, то сей-

час инквизитору удалось разжечь в их сердцах страсти, которые не улягутся скоро. Вряд ли можно было говорить о ненависти, но стойкая неприязнь уж точно зацепилась за каждым – просто прекрасное начало для совместного путешествия! Может, вообще рвануть одному, а эти пусть убивают друг друга?!

Думаю, князь тоже далеко не дурак и всё прекрасно видел и понимал. Я же предположил, что епископ, будучи уверен, что на людях Аэлэрэль не станет выносить сор из избы, серьёзно нарушил договоренности. Что эльф теперь предпримет? С какой стати вообще началась эта свара? Ведь в целом старикан прав: без командира в отряде начнутся разброд и шатание, правда, ещё хуже, если их окажется двое.

– Аридил, старший инквизитор Оррик, – невозмутимо продолжал князь Аэлэрэль, по очереди остановив свой тяжёлый взгляд на каждом из вытянувшихся перед ним, – властью своей, Кардинала Церкви Святого Круга, говорю вам, что отныне жизнь ваша принадлежит вот этому юноше по имени Иан. Нет для вас более важного дела, кроме сохранности его жизни, и, если того потребуют обстоятельства, не должно в вашей голове оставаться сомнений, чьей жизнью стоит пожертвовать, чтобы спасти его.

Что это? Что это застучало опять по камням? Да это ж моя челюсть, которую я так и не успел подхватить! Князь Аэлэрэль ещё вдобавок и кардинал! Вот это поворот! На фоне этой новости все остальные казались лишь бледной тенью.

Я скосил глаза на эльфа, интересно, он пытается усидеть на двух стульях сразу или действительно радеет за Церковь? А может, он сам себе голова? За такую прорву веков можно стать правителем мира раз десять или столько же раз разочароваться и податься в отшельники.

Я отвлекся на размышления, а на площади все ещё шла промывка костей. Какой генерал упустит возможность вставить фитиль подчиненным?

– Но, дядя... – глаза Аридила от изумления стали похожи на два чайных блюдца.

Ох, вот это ты зря, парень! Тебе только что дали понять, что пред тобой не дядя, а целый, черт возьми, кардинал! Я как-то наступил на эти же грабли, когда прямо на совете директоров попробовал «папкнуть», едва услышав озвученное решение отца, которое мне показалось несправедливым. Очнулся я в коридоре у лифта, но и там до меня доносились гулкие раскаты его голоса, метавшего грома и молнии.

– В чем дело, Аридил, я вижу, ты недоволен? – внешне спокойно произнес князь.

– Дядя, я мечтал о чем-то значимом, я... – затараторил племянник, и я понял, что, во-первых, он действительно не нюхал порошу за эти полтысячи лет, а во-вторых, теперь ему точно хана!

– Ты хочешь сказать, что я предлагаю заниматься тебе ерундой?! – ледяным тоном осведомился князь, и я подумал, что он слегка лукавил, когда так искренне восхищался во-

кальными данными епископа Тука, – Аэлэрэль владел этим искусством не менее виртуозно, отдавая предпочтение интонациям и тембру, нежели силе и громкости. – Ты смеешь оспаривать мое решение?!

Выражение «ни жив ни мёртв» вам о чем-нибудь говорит? Если нет, я бы посоветовал вам взглянуть на племянника князя, чтобы увидеть его воочию, а также удостовериться, что молодой эльф пребывает лишь в полнейшей протрации, а не отдал богу душу. Судя по ауре, им завладели совершеннейшие паника и страх, нет, пожалуй, это был чистый ужас, отчего мне пришло на ум, что я все ещё недооцениваю князя Аэлэрэля – следует держаться с ним как можно более осторожно!

– Впрочем, – размышляя вслух, продолжал князь, – можно будет отправить тебя посланником к ограм – по слухам, с предыдущим у дикарей отношения не задались.

К ограм Аридил хотел ещё меньше, чем отвечать за меня в компании инквизитора, поэтому ему пришлось срочно приходить в себя. И это частично ему удалось.

– Не-е...

Князь с насмешкой оглядел его с головы до ног и посмотрел на меня.

– Кроме того, я думаю, что вы не будете возражать, что за ним мы оставим и главенство в отряде, а его слово пусть будет решающим.

Оп-па! Я в изумлении уставился на князя, чувствуя, как

к горлу подступает комок рвущихся наружу междометий. Да какой же из меня главный? Вы бы меня видели!

Да-да, я недавно смог добраться до зеркала! Мне удалось выклянчить его у епископа, залив старика самыми горячими слезами на свете. Представьте, с какой осторожностью Оррик принес кусок мутного стекла размером не больше фотокарточки для бабушкиного альбома. Но для меня это чудо стоило всех богатств мира, и прошлых, и будущих.

Оказалось, все не так плохо, как я себе представлял. Да, не красавец, но и не Квазимодо – на меня из глубины зеркала с опаской смотрел юноша, а не мальчик. Пожалуй, голос вполне соответствовал внешности – именно так и выглядят в этом возрасте. Длинные светлые волосы, вьющиеся на концах, но до блондина я теперь не дотягивал, скорее шатен, на вид что-то среднее между уличным хулиганом и видеоблогером. Не отталкивающие черты, но и не идеал. И узкая черная повязка поверх левого глаза, словно напоминание о том, что в этом мире я никто и звать меня никак.

О чем вообще думает князь, ставя меня во главе? Какой толк в командире, если у него нет уважения подчинённых? Оррик как-то обмолвился, что терпеть не может высокочек-молокососов, про эльфа и говорить не стоит – он принц. Впрочем, нужно ли строить догадки, когда ответ лежит на поверхности: мое назначение – лишь реакция на действия оппонента. Аэларэль решил подбросить ложку дегтя епископу? Но я проглотил рвущиеся наружу возражения, решив

подыграть более рослому покровителю. Скажут руководить – пойдем и будем! Только вот моего восторга они не увидят.

– Уверен? – поинтересовался у эльфа епископ. – Не молод он для этой роли?

Какое-то слишком подозрительное спокойствие у нашего дядюшки инквизитора. Подозрительное для столь тщательного разыгранного сомнения в голосе – над стариком зеленел английский газон после полива. Стиснув зубы, я молчал, епископ задумчиво полосовал взглядом мое лицо, и газон над его головой увядал на глазах. Совсем другой реакции ждали от меня высокие господа; семнадцать лет, как ни крути, – это возраст, когда пытаешься всем доказать, что тебе двадцать три и ты уже взрослый. А мне и так двадцать три, и я не понаслышке знаю, что такое ответственность, успел полюбить независимость и научился избегать обязательств, поэтому помалкиваем и ждем.

– В самый раз, – наконец сказал князь, и я удостоился его чересчур любопытного взгляда.

Впрочем, больше возражений не последовало, меня выбрали единогласно, но меня насторожила реакция инквизитора. Его хорошего настроения как не бывало. Он определенно что-то задумал, но, к сожалению, чтение мыслей не входило в мой текущий инструментарий.

– Так как характер наших взаимоотношений должен оставаться в секрете, – начал отец Тук, и я почувствовал, как сжимается комок в животе. Мне вот-вот подложат толстое

розовое животное с пятачком. – Мы приняли решение об исключении Оррика из рядов инквизиции. Тебя снимут с доверия, ты больше не сможешь пользоваться привилегиями службы.

Это был удар под дых, Оррик задохнулся от возмущения, покраснел, но смолчал. Я тоже помалкивал, перехватив недоуменный взгляд князя Аэлара, из чего я предположил, что выходка инквизитора – самая настоящая самодеятельность. Но каков жук?! Теперь отряд под моим чутким руководством превратится в змеиное гнездо.

Я посмотрел на епископа и стиснул зубы: похоже, старичок приготовил вишенку на праздничный торт. Сейчас он добьёт не только моих спутников, но и меня.

– Кроме того, – отец Тук со смирением посмотрел мне в глаза, – все средства, находящиеся на хранении в монастыре, в казне инквизиции или любом другом месте, временно удерживаются до выполнения задания и вашего восстановления на службе. Это касается всех троих.

Я посмотрел на своих будущих спутников и с обреченной покорностью узника, только что услышавшего пожизненный приговор, подумал, что не нужно обладать какими-либо способностями, чтобы понять – деньги с собой ношу только я.

Глава 4

Так мы и отправились в путь, урезанные в правах, с тремя золотыми в моем кармане и «изумительным» настроением на победу. На этом злоключения не закончились. Стыдно признаться, но мне удалось отличиться в первый же день пути. Из моей памяти выпал момент, когда тело поставило в путешествии точку. Я вообще мало что помнил. С превеликим трудом приоткрыв единственный глаз, я разглядел кусок неба и Оррика, склонившегося надо мной. На его лице застыл отпечаток серьезной тревоги, встопорщенная борода лишь подчеркивала озабоченность воина.

– Живой! – проревел он, едва заметив, что я пытаюсь вертеть головой. «Конечно, живой, что за странный вопрос», – подумал я и был неприятно удивлен, что мысли постоянно путаются, цепляясь одна за другую. Что случилось? Почему я лежу? Когда это мы успели встать на привал?

– Голова раскалывается, – пожаловался я: затылок и впрямь трескался пополам, немного подташнивало, во всем теле чувствовалась такая слабость, что, казалось, будто оно вообще не мое.

– Слышь, длинноухий! – заорал куда-то в сторону Оррик. – Да живой он, вон, голова, говорит, болит. Если б не болела, другое дело. Так что скидывай долой с лошади поклажу и топай сюда помогать!

Я с усилием повернул голову набок и увидел Аридила, с изумлением взирающего на мои слабые трепыхания. Он нахмурился, яростно мотнул головой, сбросил с седла уже притороченный мешок, рывком запрыгнул в седло и, гикнув, скрылся за поворотом дороги.

– Паучье семя! – буркнул Оррик, поднимаясь с земли. Похоже, его выходка эльфа нисколько не беспокоила.

– Что это было? – проямлил я, ещё не вполне доверяя своему зрению. – Куда он?!

– Не соврал, длинноухий действительно из этих, – объяснил Оррик, как будто после его слов мне все вдруг станет понятно, особенно если речь идёт о каких-то определённых «этих».

Он дошел до лежавшего на земле мешка и отнес его обратно к костру.

– Что я один со всеми вами делать буду? – Вопрос был риторический, поэтому я не стал бы на него отвечать, даже если бы мог. – Навязались на мою голову. Один падает с лошади, другой псих.

Что значит «навязались»? Как будто был выбор. Справившись с очередным приступом тошноты, мне наконец удалось рассмотреть место, где я оказался.

Я лежал, прислонившись спиной к стволу дерева, которое, похоже, росло на самой опушке леса. Стараясь не слишком резко вертеть головой, потому что сознание относилось

к подобным проявлениям любопытства не очень-то благосклонно, я убедился, что мы добрались до опушки леса, во всяком случае, деревья шумели над головой, создавая такое ощущение. Дорога, слегка касаясь опушки, пробегала мимо. Ее след едва угадывался среди высоких кустов, за которыми пряталась наша стоянка. Мир ощутимо потемнел, небо потяжелело, налившись темно-серыми оттенками, и обвисло над головой распухшими складками. Очевидно, время подошло к позднему вечеру, но ничего из этого я не помнил: ни росы, ни сгустившихся сумерек, ни последней части пути, как будто заснул посередине фильма и меня растолкали, когда по экрану побежали ниточки титров.

Больше всего поразило, что лагерь перед глазами разбит основательно: шагах в пяти бодро бурлил над огнем котелок, поодаль высилась свежая куча хвороста для костра, и лошади паслись у импровизированной коновязи.

– Долго я был в отключке?

– Два дня, – невозмутимо заметил Оррик, помешивая оструганной палкой в котелке. – Ты свалился с лошади метров за сто отсюда. Я предупреждал, что хождение по жаре до добра не доведет.

Если бы мне не было так хреново, я бы присвистнул от удивления: два дня?! Заработать солнечный удар в первый день путешествия – это, я вам скажу, даже по моим нынешним меркам рекорд. Если я и планировал поднимать авторитет командира, то сейчас это сделать не так уж сложно – па-

дать ниже, чем сейчас, просто некуда.

– Куда он уехал? – спросил я, имея в виду эльфа.

– Молодой, горячий – вернется, никуда не денется. – Инквизитор достал палку, обстучал ее о край котла, затем вытащил из-за голенища ложку и принялся снимать пробу. – По их традиции, если эльф не сможет сберечь жизнь, которую ему вручили, на его род ложится несмываемое пятно. Умер, значит, исполнил долг до конца, и тогда все в порядке. Выжил – тебя ждет изгнание или героическая смерть в лапах какой-нибудь твари, что, в общем, одно и то же. – Оррик принялся быстро-быстро глотать воздух, изо всех сил пытаюсь остудить похлебку во рту. – Я раньше с ними так близко не сталкивался, но слышал, что Темные обычно забираются в самую глубь Отрогов Мудрости, а Светлые выбирают Долину Тишины. Так они, видимо, лишний раз подчеркивают, что между ними не может быть ничего общего.

– А что, есть ещё и темные? – я застонал.

– Разные бывают, – ответил Оррик, отодвигая ложку в сторону и отхлебывая еще.

– Так он действительно собрался уезжать?!

– Таков обычай, – глубокомысленно заключил Оррик, отчаянно хлопая.

– А с чего он решил, что я... хм... ну, умер?

– Когда у человека перестаёт биться сердце, обычно он умирает, – пожал плечами воин.

Это он серьезно про сердце?! Я попробовал порыться в

воспоминаниях, но ничего определённого не нашёл. Никаких особенных ощущений, как после первой смерти, в памяти не отложилось. Может, они напутали? Сердце билось, но очень слабо – они ведь не врачи скорой.

Оррик присел рядом со мной.

– Ты мне вот что скажи, за каким демоном мы так ломимся в Аллию? Чуть вон мальчика не убили.

Что-то я вообще перестал понимать, что происходит. Это кого только что Оррик назвал мальчиком? До меня дошло, что он имеет в виду Аридила.

– Это он-то малец?! Да ему больше, чем нам обоим в несколько раз.

– Он-он, – хмыкнул Оррик. – Ты не смотри, что ему демон знает сколько лет...

– Пятьсот! – напомнил я.

– ...да хоть бы и пятьсот, – Оррик хмыкнул. – Если все пятьсот лет сидеть за ученическим столом, это не значит, что ты повзрослел и набрался опыта. Вона как егохватило, когда решил, что ты отправился к Аиду.

– Да откуда ты знаешь?! – взорвался я, но сил особо не было, поэтому эмоцийхватило на целый хлопок от мыльного пузыря – мне почудилось, что сознание начинает съезжаться.

– Отец Тук поведал, – признался Оррик. – Просил быть поаккуратнее, потому что принц первый раз выбрался из своего медвежьего уголка. Князя вконец извел своим ны-

тьем, вот и получил разрешение.

– А он точно принц?

Оррик вздохнул и посмотрел мне прямо в глаза.

– Самый настоящий. Одно плохо: все, что он знает о жизни, – из этих его книжек. А разве там что-то путное напишут? Задурили ему каракулями голову, он за то время, пока ты мертвый лежал, столько приключений себе навывдумывал, что я только диву давался. Уж так он сокрушался, так переживал, бедняга. И то ведь верно: отдавать жизнь за того, о ком ничегошеньки не знаешь, – удовольствия немного, не находишь?

Это даже не камушек, это скала в мой огород.

– Оррик, я не знаю, что сказать, – речь по-прежнему давалась мне с трудом. – Но, даю слово, ты первый узнаешь об этом.

Воин криво усмехнулся.

– Звучит слишком громко для семнадцатилетнего паренька, но большего мне не услышать? – Он пожевал губами. – В принципе, конечно, хотелось бы выяснить, ради кого мне, не дай боги, отдавать жизнь, но для начала сойдёт и так.

Он встал, собираясь уходить.

– А почему ты не выполнил приказ епископа и полез с эльфом в драку? – спросил я ему вослед.

Оррик остановился и бросил взгляд на лежавшего без сознания Аридила, нагнулся, проверил у него пульс.

– Я как раз его выполнил – я был аккуратен.

До меня дошел смысл его слов.

– Так ты специально...

Оррик ухмыльнулся в усы.

– Зачем мне в отряде темная лошадка? Что ждать от тебя, я знаю, а его – нет.

Я в очередной раз подивился прозорливости епископа.

– И как он?

Оррик пожал плечами.

– Молодой ещё, но слово держит. – Подумав, он добавил: – С этой своей штуковиной обращаться умеет.

– Он хороший боец?! – удивился я, выделив для себя главное. – Ты же сказал, что он сидел за книгами.

– Глаза иногда должны отдыхать от каракулей, – воин усмехнулся.

– И что, хорошо дерется? Вы же едва только начали. Как ты понял это за пару секунд?

Оррик на секунду задумался.

– Как понял? А как за один миг понимают, стоит связываться с человеком или, наоборот, держаться от него подальше? С опытом приходит чутье на такие вещи: смотришь, как двигается, как стоит, как дышит – раз, и уже понимаешь: этого лучше обходить стороной. Я и сам мечник не из последних, но меня бы он разделал на раз. К тому же помахать мечами нам бы точно не дали, что я, не понимаю, что ли.

– Оррик! – я все никак не мог отпустить воина, мне казалось, что упущена какая-то очень важная для меня деталь. –

Мне не нужна его жертва и его клятва! И твоя не нужна. Мне не по карману такие долги. И нести ответственность за отряд я не могу – у меня совсем нет опыта в подобных вопросах, а быть виновником вашей гибели из-за неправильных решений я не хочу.

Оррик повернулся на каблуках и очень быстро оказался рядом со мной. Он приблизился настолько, что я ощутил его ровное дыхание на лице. Мне стало не по себе от внимательных глаз, пронзающих душу насквозь.

– Отвечать за кого-то не самое простое занятие. Но теперь у тебя есть лишь одна возможность снять с себя этот груз.

Он точно хотел, чтобы я задал этот вопрос, и я его не подвёл.

– Какая?

– Выполнить то, ради чего мы с тобой.

Глава 5

Спустя несколько недель после того разговора мы наконец добрались до Бадери. Второй город Арли, представший передо мной во плоти, встречал нас распахнутыми настежь воротами, несусветной вонью, которой в Рогоне я то ли не замечал, то ли мне просто было не до того, и охраной, состоявшей из десятка вооружённых людей, бездельничавших на входе. Вид нашей троицы подействовал на них лучше всякого кофе. Если бы я был их начальником, моя душа воспарила от счастья при виде горящих глаз и рвения, с которым они ринулись исполнять свои должностные обязанности. Мужики с копьями наперевес грудью встали на нашем пути. А их командир, возникший буквально из ниоткуда, лишь укрепил мою веру в народную мудрость: и в мыслях не стоит помнить о нечистом. Чуйка у этого господина работала так, что он, по-моему, даже знал, где у меня припрятан заветный мешочек с наличностью.

– С какой целью благородные господа почтили присутствием наш славный город? – со слащавой улыбкой на лице начальник стражи пытливым взглядом ощупал нас всех с ног до головы и остановился на эльфе, посчитав его за главного.

– А ну с дороги! – рявкнул Оррик, направив коня на него. – Не твоего ума дело.

Но служивый оказался не робкого десятка. Перед нами

вмиг выстроился частокोल из копий. Время было за полдень, основной поток путешественников схлынул, и люди с удовольствием схватились за возможность развеять скуку, особенно если это сулило им изрядный куш в виде мзды.

– Не балуй! – старший потряс перед носом Оррика копьем. – Мы порядок знаем – платите и добро пожаловать в Бадери.

Воин оказался не готов к такому приему, поэтому я смекнул, что про пошлину он если и знает, то явно никогда ее не платил. Вряд ли инквизицию заботят такие мелочи.

– А велика ли плата? – я решил перехватить инициативу, пока мои спутники не усугубили и так весьма щекотливую ситуацию. Лучше потратить пять медяков, чем остаться вообще без гостиницы. Несмотря на существенные расходы, отказаться от крова совсем я пока был не готов.

Старший стражников окинул нас насмешливым взглядом, оценил презрительную гримасу на лице Аридила, который во всю демонстрировал аристократическую спесь, помноженную на эльфийское высокомерие, и растянул губы в улыбке.

– Серебрушку положите, мы, так и быть, постараемся сделать вид, что ничего не было.

Это был даже не грабеж, а хамство среди бела дня, но я посмотрел на выставленные копья и понял, что, во-первых, без теплой постели уже не выдержу – предвкушение терзало меня хуже, чем перспектива оставить кучу денег этому вы-

могателю; во-вторых, своему спутнику я потом это определенно припомню.

– А иначе... – прервал мои мысли Оррик.

– А иначе, – не растерялся стражник, не дав тому договорить, – ночлег и за городом найти можно – вона места сколько.

– Да ты... – воин потянулся за мечом, но я вовремя пнул его по ноге и едва не свалился с лошади. Если бы я мог видеть свои эмоции, то можно предположить, что туча над моей головой ничем бы не уступила цветом небольшому смерчу.

– Мы заплатим, – скрипя зубами, я отсчитал требуемую сумму, погрозив взглядом Оррику. – Что-то еще?

– И за лошадок еще докиньте, – нагло заявил дядька с копьем, многообещающе поглядывая на своих людей, – по пять медяков.

– Ты в своем уме? – не выдержал я. – Мы же не торговать лошадьми сюда приехали.

– Так тогда можете их здесь, с нами, оставить, – он оскалится в наглой усмешке. – Мы уж за ними присмотрим, расстараясь.

Я беспомощно оглянулся на своих спутников, но так и не ощутил никакой поддержки. Оррик надулся, а Аридил вел себя так, будто ему вообще было все равно, что происходит. Я почти с ненавистью бросил взгляд на попутчиков – вежливость, как оказалось, не только красит людей, но и обходится

гораздо дешевле.

Так мы и вступили на улицы города: Оррик с эльфом чуть впереди и верхом, при этом каждый сам по себе, моя лошадь со мной в придачу плелась за ними. Я уже убедился, что без чьей-либо помощи выбраться из седла мне нечего было и думать, поэтому не собирался устраивать представление у всех на виду. Лошадь, эта четвероногая тварь, и не думала возражать – догадываюсь, ей тоже не в радость таскать на себе такого наездника.

Я уперся глазами под ноги и тихо переваривал результат первого перехода: двадцать три дня! Вместо положенных восьми мы плелись по местным дорогам вчетверо больший срок: что это, как не настоящая катастрофа? Такими темпами проще вообще никуда не ходить, а осесть в любом городе и дожидаться появления князя. Какая разница, где пускать мир по откос?!

На улицах города лошадь практически перестала меня слушаться. Я безнадежно отстал от спутников, погрузившись в невеселые думы, поэтому, чтобы их догнать, мне пришлось спешиваться без чьей-либо помощи. Так себе зрелище, я вам скажу, – все равно что на пузе съезжать с горы. Полминуты позора, отчаянный рывок, и вот под моими ногами твердая земля, а горизонт перестал покачиваться перед глазами. Славно! Схватив поводья, я бросился вдогонку за Орриком, расталкивая прохожих.

Едва впереди замаячила широкая спина с перевязью ме-

ча, я заметил, что спутники, забыв обо всем, довольно оживленно препираются друг с другом. Вид принца, обычно молчаливого и сдержанного, а ныне бурно жестикулирующего в ответ на возмущенные крики Оррика, привел меня в изумление. Я прислушался к спору: с первых же слов выяснилось, что он шел о выборе гостиницы для постоя. Оррик настаивал на заведении с темно-зеленой крышей, пристройкой для лошадей и еще кучей зданий поменьше, а Аридил указывал на трёхэтажный особняк по другую сторону улицы, всего в двух шагах отсюда выходящей на городскую площадь.

Да что ж такое! Я выкраиваю каждую копейку, а они ведут разговоры о перинах и поросячьих боках! И это притом, что их «помощь» со стражей вообще ни в какие ворота не лезет. Если так пойдет дальше, жрать станет нечего примерно на полпути. В деле экономии надежды на спутников мало. Следовало заняться поиском ночлега самостоятельно.

– Эй, ты, – я поймал за рукав пробегающего мимо мальчишку: как известно, лучшего источника информации на всем белом свете нет.

Он недовольно ойкнул, оглядел меня с головы до ног, оценил мою кожаную обновку – да, я избавился от своих тряпок и теперь тоже поскрипываю в седле – и уже приготовился покорно слушать, как его взгляд наткнулся на что-то у меня за спиной. Аура над головой парня вмиг озарилась ужасом, меня окатила волна паники. Он резко дернул рукой, освобождая рукав: громкий треск холщовой ткани перешел в оглу-

шительный мальчишечий вопль.

– Убиваю-ют! – пацан стремительно набрал скорость так, что уже через секунду пятки засверкали на площади. – Убивают!

Догнать его нечего было и думать. Не в силах скрыть досаду, я выругался. В свете последних событий из памяти вылетело, как могут окружающие реагировать на мой внешний вид, между тем, он вносил сильные коррективы во взаимоотношения с другими людьми, и это оказалось третьей по счёту головной болью, которую я упустил из виду. Возможно, в современном мире и пропагандировали толерантность, веротерпимость и прочее, здесь же все оказалось гораздо проще и одновременно сложнее: если ты отличаешься, значит, чужак, а где чужак, там и до врага рукой подать. Прямо как в школе: если ты не такой, как все, значит, есть на ком отвести душу.

Как-то не вовремя я задумался: на нас стали засматриваться. Хоть город и впечатлял обилием народа, столь разношерстного и по одежде, и по говору, и по достатку, но мы все равно выделялись из общего потока, как куски скал из русла горной реки. К счастью, люди по большей части глазели на эльфа, своей статью превосходившего любого из жителей города и его многочисленных гостей.

Он стройный мужчина и мог бы сойти за человека, если бы на его голове не выделялись неестественно длинные, заостренные к кончикам уши; но вовсе не они притягива-

ли взор, а сверхчеловеческая грация этого крайне высокого, больше двух метров, существа, кроме того, несмотря на свой рост, природа одарила его идеально выверенными пропорциями, и фигура нечеловека отнюдь не смотрелась нескладной, наоборот, поражала своей мужественной красотой; и в довершение всех вышеперечисленных обстоятельств из-за его плеч выглядывало невиданное орудие смерти, глефа, пугающая обывателей своими не менее совершенными формами и хищным спокойствием смерти.

Впрочем, Оррик притягивал не меньше внимания. Звероватого вида здоровяк, комплекцией напоминавший гнома-переростка, ну, такого, каким в моем воображении должны были выглядеть гномы, весь увешанный оружием, словно витрина оружейной лавки, недобро посматривал по сторонам. От его взгляда шарахались не меньше, чем от коней благородных господ, периодически раздиравших толпу на две половины.

За ними обоими плелся я, и до поры до времени мне удавалось скрываться в лучах их славы. Но мое опрометчивое решение вырвало мою фигуру из тени, выставив на всеобщее обозрение. В один миг люди шарахнулись в стороны.

– Колдун!

– Горб, у него горб!

– Дети! Он заберёт моего ребёнка!

– Гоблин!

– Троль!

Я мрачно смотрел, как вокруг образуется пустое пространство, как будто в момент отлива отступал океан. Эмоции я отключил, но вокруг скопилось столько народу, и их совокупная мощь была столь велика, что никакие блоки не помогали: меня словно придавило к земле вселенским смрадом. Так ощущался страх, идущий со всех сторон. Пока это был страх, но от «уноси ноги» до «давай ему навалием» – рукой подать. Я хоть и ни разу не попадал в аналогичную ситуацию, но соображал, что к чему.

– Командир, уходить надо, – навис надо мной Оррик, тревожно поглядывая по сторонам.

Его опыта, видимо, хватало, чтобы понять, что ничего хорошего нас не ждет. Тут никакого искусства не хватит – элементарно задавят числом. Да и оно мне надо? Хорошенькое начало – положить половину города, так я впишу свое славное имя в историю гораздо раньше, чем превращусь в настоящего Убийцу.

– Командир, – он подергал меня за плечо, – не стой столбом.

Я же вместо того, чтобы искать выход, почему-то вспомнил, как научил его слову «командир». Теперь инквизитор при случае и без того использовал его, чтобы обратиться ко мне. Всего моего могучего психотропного механизма при этом не хватало, чтобы понять, издевается он или говорит серьезно. Каждый раз получалось по-разному, но всякий раз чудилось, что он надо мной подтрунивает. Сейчас же в его

голосе читалась неподдельная тревога и озабоченность. Похоже, он был не слишком уверен, что нам удастся уйти.

По большому счету до сих пор нас спасало наличие в компании лишь нашего ушастого друга. Расступившись, толпа обнаружила, что колдун не один, его сопровождающие – та еще парочка. На него показывали пальцами и тихонько перешептывались. Видно, его сородичи здесь нечастые гости. Оррик же выступал той самой соломинкой, которая пока что ломала хребет слону. Хоть за меч он пока и не брался, наличие такого количества оружия говорило само за себя. А я уже заметил, что колюще-режущий инструмент не в чести у местного населения. Кое-как им владела стража, и только. Оррик как-то обмолвился о наемниках, но я пока что никого такого не встретил.

Между нами и толпой установилось шаткое перемирие. Я прислушался и обратил, наконец, внимание на то, что шум на площади усиливался. Эльф сузившимися глазами смотрел в ту же сторону. Ему происходящее нравилось еще меньше, хоть за оружием он и не тянулся, но был готов к любому развитию событий. Вряд ли он будет спокойно стоять и смотреть, как толпа разрывает меня на части.

Что же делать? Как и всякий нормальный человек, я надеялся, что все в конце концов обойдется, но опыт этого мира, основанный на таких вот надеждах, нашептывал обратное. Я скрипнул зубами: как все не вовремя. Уходить из города? А дадут ли уйти? К тому же не к месту вспомнилась сумма,

с которой пришлось расстаться на входе, и я заскрипел зубами. Приписывать к своему послужному списку побег в самом начале карьеры означало для меня потерять слишком многое.

– Могут побить?

– Могут, – кивнул Оррик с таким видом, что я понял: могут побить, а могут и...

Не к тому отец меня подготовил. Но кто же знал?

– Предложения? – Я посмотрел на Оррика, а потом и на Аридила.

Воин смущённо пожал плечами и промолвил:

– Я бы попытался уйти. – Он оглянулся на эльфа, тот посмотрел на меня и кивнул, подтверждая, что в кои-то веки он согласен с инквизитором. – Не крошить же народ. Можно ещё зайти в гостиницу, вряд ли эти попрутся за нами, – сказал Оррик, но тут же добавил: – Правда, можно поиметь проблемы со стражей.

В его ауре и впрямь отсутствовал страх. Сожаление и досада – вот этого хоть отбавляй, но он не боялся. Значит, просто предложил обдуманное решение. Это хорошо: палачи и маньяки мне в команде без надобности. Аридил же внешне, казалось, готов был принять любое решение. Медитирует он, что ли?

Шум между тем нарастал все больше, наконец, его заметили и в толпе. Люди с той стороны стали оглядываться, тот, кто пониже, вытягивал шею, чтобы рассмотреть, что же там

происходит. Послышались голоса. Я с удивлением заметил, что часть народа спешно ретировалась. Вспомнили, что дома на плите молоко? С чего разбежаться, коль самое интересное еще и не начиналось?

А вообще, конечно, странно. Происходящее мне не казалось нормой. Неужели беспорядки тут привычное дело?! Полагаю, такое не должно быть свойственно торговому городу, здесь должны гостей приветствовать с распростёртыми объятиями, а не сжигать на костре или гнать взашей поганой метлой. С другой стороны, вероятно, у них не ахти с развлечениями, и таким образом народ поднимает себе настроение?

Шум большого количества голосов нарастал. Уходить или оставаться? Может, использовать момент и прорваться к воротам? Вон, внимание окружавших нас людей временно переключилось на происходящее за пределами ринга. Я оглянулся на Оррика, но так и не смог перехватить его взгляд, инквизитор смотрел поверх большинства голов как раз в ту сторону, откуда доносилось большинство голосов.

Было ли мне страшно? Без всяких сомнений: я видел, на что способна толпа. К счастью, только по телевизору. Вживую ни противостоять, ни участвовать не приходилось. Может, оно и к лучшему: страх не слишком влиял на выбор вариантов действий.

Сейчас у меня был шанс поднять свой авторитет в отряде или угробить нас всех к чертовой бабушке.

Время решило все за меня. Я не учёл, что от того места,

где мы стояли, до площади – рукой подать, и потерял время. Толпа человек в пятьдесят разрешила оцепление, бежать стало некуда. Новые действующие лица нас окружили мгновенно, оттеснив прочих зевак. Вот тут меня пробрало: я осознал, каким страшным оружием наделил меня Вася – да, моя способность видеть эмоции показалась во всей красе!

Новые люди были на взводе, впереди бежал тот самый пацан, размахивая руками, видимо, расписывая, каких страшных кар он только что избежал. Подозреваю, все вновь пребывшие настроились, что тут их ждет пятиметровый горбун с когтями, копытами и зубами длиной в целую руку. Когда они увидели меня – метр с кепкой, – на секунду растерялись. Вид моих вооружённых до зубов спутников ещё больше умерил их пыл. Настрой толпы, задорный, но не очень-то боевой, – я видел их ауры, сливающиеся в общее облако, – немного поблек и начал рассеиваться: как я и надеялся, люди шли не убивать, а позабавиться, они жаждали зрелища, мне только нужно им его предоставить, хотя и не то, что они, возможно, подсознательно ждали.

Как там говорится: удивить – значит победить? Я сделал быстрый шаг вперёд и хлопнул пацана по плечу, тот от неожиданности плюхнулся на пятую точку, чем вызвал смешки в толпе.

– Хвалю! – гаркнул я что было мочи, пытаясь перекрыть гомон пятидесяти человек, которые и так не сводили с меня глаз. – На те пять медяков! Заслужил.

Пацан было принялся подниматься, но, услышав про деньги, мгновенно сориентировался и протянул ко мне обе руки. При этом он не рассчитал скорость и случайно зацепил верёвку, которой были повязаны панталоны, и они с лёгкостью бабочки порхнули вниз.

В толпе заржали еще несколько человек. Остальные недоумевающе крутили головами: где же обещанное развлечение?

– Видите ли, уважаемые господа, – начал я, обращаясь сразу ко всем собравшимся, – я в вашем добром городе впервые, пока доехал, чуть не стерся до самых ушей, – жестом я продемонстрировал, каким маленьким стал.

Хохот стал громче, на этот раз смеялись и те, кто не видел происходящего, но слышал мои слова, – люди высовывали головы, чтобы рассмотреть говорившего.

– Мои два балбеса, даром что здоровые, как медведи, а ума-то, – я жестом опять показал, настолько неважно у моих спутников с этой эфемерной субстанцией – да простят меня Оррик и Аридил. – Я им говорю, кто ж останавливается в гостиницах в центре, коль дыра в кошеле, – пустой кошель и впрямь пригодился, и я мысленно поблагодарил того жадного стражника на въезде в город, который стряс с меня все, что там было. Мной немедленно был продемонстрирован пустой кошелек. Для верности я даже потряс им, перевернув вверх дном, а потом заглянул внутрь, разочарованно вздохнув. Толпа разочарованно выдохнула со мной в

унисон. – Вот и хотелось у пацана спросить, чтобы присоветовал место попроще да попримечнее, а он, вишь, сколько советчиков мне привел! Ну что, поможете путникам, люди добрые?

Отец, в бытность свою имея немалый опыт в уличных делах, как-то сказал: не можешь вырубить, рассмеши или попроси помочь: как правило, люди не трогают тех, над кем смеются, и благосклонны к тем, кто просит у них совета.

Вот теперь в толпе улыбалась добрая половина. Темные тона над головами расцвели дружелюбием или хотя бы поблекли, на отдельные личности, пришедшие сюда с определённой целью, теперь можно было не обращать внимания. Основная масса довольна, чего же боле.

– Поможем, как не помочь!

– Да тут рядышком!

– Вестимо, зачем деньгу понапрасну тратить!

– Совсем эти трактирщики оборзели, с честных людей в три шкуры дерут!

– Вона какой мелкий, истерса совсем!

Пацану в итоге досталось пять медяков и несколько подзатыльников, а нам – человек пятнадцать провожатых, которые вызвались нас доставить в лучшую гостиницу в городе, где путников не обирали до нитки и обхаживали со всем старанием.

Пока мы удалялись от площади, вослед нам летели пожелания и наставления, куда идти следует, а кого нужно обхо-

дить стороной. Наши проводники со смехом махали руками тем, кто остался, перебрасываясь с ними шутками, и тянули нас за собой.

Я мельком глянул в сторону эльфа с инквизитором и едва не потерял челюсть: оба пребывали в состоянии сильнейшего изумления, об этом же твердили и два розовых поросёнка, шаловливо крутящиеся над их головами. И тот, и другой молча следовали за мной, иногда переглядываясь, как бы спрашивая друг друга: «Ты чего-нибудь понял? Нет! А ты? И я нет». Мысленно я улыбнулся и похвалил себя, добавив к репутации плюсик. Приятно дать по носу принцу и бывалому инквизитору и заработать плюсик к карме.

Так толпой мы и прошли весь город насквозь, потратив на дорогу едва ли больше часа. И то только потому, что наши провожатые останавливались и подолгу спорили, каждый пропихивал свою идею, доказывал свое мнение. Не удивительно, ведь город пестрел гостиницами, вывески постоянных дворов попадались на каждом шагу. Я с улыбкой наблюдал за происходящим, попутно рассматривая город, Оррик с Аридиллом, ни слова не говоря, плелись следом, продолжая многозначительно переглядываться.

В целом Бадери оказался точной копией города, в котором я столько всего пережил, что и не вспомнить сразу. Только по площади занимал раза в три больше места. Те же, что и в Рогоне, кривые улочки, те же обшарпанные двухэтажные строения, ратуша в центре города с небольшой площа-

дью и колокольной, которая, впрочем, пока не показывалась на глаза – однажды слышался только характерный звук колокола, размеренно отсчитывающий текущее время. Отсутствовал лишь монастырь, на его месте, на взгорке, красовалась часовня с куполообразной крышей и знаком богов на шпиле. В остальном практически без изменений: довольно чисто, хоть и не слишком богато, даже неприятный запах почти развеялся, смешавшись с прочими ароматами живого города.

– А ты, я смотрю, не из пугливых. – Неожиданно прозвучавший за спиной глумливый голос сбил меня с мыслей.

Я резко обернулся: предо мной вальяжно стоял мужичок неопределённого возраста, невзрачной наружности, и вообще был он весь какой-то средненький, ни то ни сё. В одежде, и в причёске одно и то же – быть как все, не выделяться, не бросаться в глаза. Пожалуй, именно этим он и выделялся: именно своей неприметностью. Отвел от такого взгляд и не вспомнишь через минуту.

– Передавай Кривому Элу привет, – ляпнул я наугад и получил еще одного розового поросенка в копилку. Что поделаешь, сегодня я весь из себя такой удивительный.

Невзрачный тип очень быстро пришел в себя.

– Надо же, а я не поверил, – хмыкнул он задиристо. – Ты к тому же ещё и умный.

Я жестом остановил двинувшегося вперед Оррика.

– Два замечания, – будничным тоном сказал я. – Во-пер-

вых, ещё раз скажешь мне «ты», и я не смогу его остановить, – я указал на бывшего инквизитора. – Дорога дальняя, я устал, настроение не очень, меня ограбили на входе в город, так что силы мои на исходе.

– Второе? – криво усмехнувшись, промолвил мужичок.

– Вежливые люди представляются, – заметил я.

– Бальн, – мужичок взмахнул несуществующей шляпой.

– Так вот, Бальн, – продолжал я. – Я терпеть не могу, когда на меня давят. У меня еще больше портится настроение.

Мужичок враз посерьезнел.

– Кривой просил за то... вами приглядеть, – наконец сказал он, едва не обмолвившись, причём, я уверен, сделал это специально, чтобы лишний раз проверить мою реакцию.

Я усмехнулся, погрозив ему пальцем, вот интересно взглянуть на сцену со стороны: пацан-недоделок угрожает маститому уголовнику.

– Не больно-то вы старались.

– Мы ждали вас раньше, но все равно, мы держим все под контролем и...

– Так! – я возмущенно топнул ногой и оглянулся: наши провожатые, о которых я, признаться, почти позабыл, все еще самозабвенно размахивали руками и к единому мнению не пришли. Тем лучше для нас: надо расставить все точки. – Давай-ка сразу договоримся: ваша помощь зачтется только в том случае, если я сам о ней попрошу. Во всех остальных – это ваша самодеятельность, и ничего больше. Кривой не мог

не сказать об этом.

Мужичок поскутнел, а я с удовлетворением убедился, что он изрядно разочарован.

– Тебе никто не говорил, что инициатива наказуема? – усмехнулся я.

– Вас никто не побеспокоит, – вздохнул Бальн уже без всяких ужимок. – Тем более вы и сами прекрасно справляетесь.

Он уже было собрался исчезнуть, но тут кое-что вспомнил.

– Если вы ищете ночлег, можете остановиться у Большой Берты. За постой она с вас не возьмёт, оплатите только продукты, – Бальн усмехнулся. – Это жест доброй воли, я слышал, что у вас неважно с деньгами.

С этими словами мужичок исчез, а я изрядно задумался: принимать или не принимать предложение? Сэкономленные деньги – это заработанные деньги, не помню, кто сказал, но сейчас на собственной шкуре ощутил, насколько правильные слова. С другой стороны, откуда ему известно о наших трудностях? Хотя, стоп, я сам только что в этом почти признался.

– Эй, уважаемый, – позвал я одного из провожатых. – Что скажете про заведение Большой Берты?

Глава 6

На следующий день три всадника на огромных, страшных животных выметнулись из распахнутых настежь городских ворот... я уныло проводил их взглядом: пока что единственное место, откуда я мог выметнуться на такой скорости, — это седло. Все, чему я выучился за двадцать три дня пути, сводилось к умению не падать с лошади, когда она идет шагом. Если мне нужно было выбраться из седла, я сообщал Оррику о необходимости остановки и с каменным выражением на лице ждал, пока тот, как подъемный кран, вынимает меня из седла. Чтобы самостоятельно соскочить с лошади, мне требовалось нечто большее, чем просто желание. Не хватало сил, роста, ловкости и бог знает чего ещё. Повторить же трюк, проделанный в городе, мне не доставало духа.

В это утро Оррик, как обычно, помог мне взобраться в седло, проверил, надежно ли закреплена поклажа, подергав с усилием за скрученные узлы, и расплатился с хозяйкой за собранные в дорогу припасы. Пока я ждал остальных, вспоминал последние дни и все больше думал о том, что мои планы пока что не выдерживают испытание временем. К подобным мыслям привел разговор, состоявшийся вечером, когда мои спутники с кислыми лицами наблюдали за официанткой, разносившей еду в кабаке.

– Иан, как ты представляешь война вот с этим?! – Оррик наклонил деревянную миску, и жижа, наполнявшая ее, нарушая закон всемирного тяготения, лишь сделала попытку двинуться к ее краю.

– А ты хотел теплого пива и холодных девок? – мрачно поинтересовался я.

– Вообще-то наоборот, – буркнул Оррик, ковырнув коварное месиво.

– Это похлебка с отрубями и мясом, очень питательно, – заметил эльф, но меня обмануть было сложно, его наше меню тоже не вдохновляло.

– Сейчас бы съел целого поросенка, – вздохнул Оррик.

Я до того устал, что у меня не было ни малейшего желания вступить с ним в спор. Он прекрасно осведомлен о скудности моих золотовалютных резервов, поросенок в них точно не помещается. Даже на пятак от хрюшки не хватит. А еще ж девки! Нет уж, пусть глотает слюни – это бесплатно. У меня вырвался стон – чертова лошадь! Нет, не зря я раньше так ненавидел дорогу.

Я до того ушел в свои мысли, что не обращал внимания на бурчание инквизитора. Кто же знал, что на этот раз Оррику потребовалось мое участие в разговоре?

– Иан! – Я услышал свое имя, и что-то попало мне в лицо – это Оррик кинул в меня хлебный мякиш.

Убедившись, что теперь его слушают, он, прищурившись, посмотрел на меня.

– Вот скажи, командир, с какой стати надо нестись сломя голову в эту твою Алату? Чего тебя так приперло? Ты вон на коне сидишь, как мешок с... э... зерном, а на одном месте уже мозоль величиной с мою голову. Нужно ли так торопиться, ведь мы угробим и тебя, и себя заодно.

Аридил отложил в сторону ужин и уставился на меня. По его лицу ничего нельзя было прочесть, но в ауре явственно проглядывался интерес, а мои чувства твердили о том, что его обычные мысли обо мне сменили тональность с пренебрежительной на нейтральную. И вообще со времени происшествия на улице, когда я разобрался с толпой, моего затылка не раз касались заинтересованные взгляды. Мысли, обращенные ко мне, я чувствовал физически.

– Командир, – почти правильно повторил слово эльф. – Что это?

– Это вот он, – кивнул на меня Оррик. – Ну, когда головой думает, а не тем местом, которое об седло трется.

Вот вроде и пошутил, да я видел, что инквизитор не шутит. Его взгляд не оставлял шансов так думать. Эльф тоже был слишком серьезен, чтобы его игнорировать. Надо же, Оррик враз позабыл, что его настоятельно просили не лезть с расспросами. Но начальство далеко, жизнь одна, и она зависит от недоделанного ребенка. Удивляло другое: они действительно не в курсе, куда меня послали их чудо-боссы?

– А разве вам не сказали, куда мы направляемся, отец Тук или князь? – озвучил я свое недоумение.

– Куда – сказали, – протянул Оррик, и Аридил согласно кивнул. Одно то, что эльф согласился с инквизитором даже по такому пустячному вопросу, говорило о многом. – Но о цели путешествия они как-то упомянуть позабыли.

– А почему вы не спросили? – удивился я.

Эльф с Орриком переглянулись. Мне что, всю жизнь предстоит всех удивлять?

– Как бы попроще тебе объяснить, – сказал бывший инквизитор. – Это ты по какой-то непонятной для меня причине можешь пойти и спросить что-то у доброго дядюшки Тука, и тебе, что не уместается у меня в голове, возьмут да ответят, а я помню случаи, когда людей сажали на дыбу за один только неосторожный взгляд в его сторону. – Он посмотрел на эльфа. – Вряд ли ваш князь очень уж отличается от епископа.

– Аэлэрэль с королями не со всеми разговаривает, – подтвердил Аридил.

Оба моих спутника выжидающе смотрели на меня, а я, признаться, пребывал в растерянности – интересная вырисовывается картина: с одной стороны, у меня под боком два человека, которые определённо обязаны стучать обо мне при первой возможности; с другой, отвечают за меня головой. При этом не сомневаюсь, что один, что другой давно сыграли роль мальчиков на побегушках, а тут их снова вернули обратно, поставив в подчинение какому-то безродному шалопаю, – у кого угодно испортится настроение.

Мне следует сыграть на этом несоответствии, правда, я пока ещё не знал, каким образом. Испытывал ли я вину за их положение? Наверное, нет. В нашей лихой компании выбор отсутствовал в принципе, здесь я нисколько не отличался от моих спутников. Идешь – живешь, и все у тебя когда-нибудь будет, не идешь – можешь писать завещание, а может, и того не успеешь. Инквизиция – вот мой удел без возможности уклониться, любой отказ поставит меня вне закона, и я заполучу таких врагов, что о времени, проведенном в темнице, буду вспоминать с умилением.

– Думал, вы знаете, – сказал я.

Оррик дотянулся до миски, в которой лежал хлеб далеко не первой свежести, и захрустел куском сухаря. Все это время он задумчиво смотрел на меня.

– Прямо пир на весь мир, – сказал он. – Видишь ли, Иан, солдаты рождены, чтобы драться, убивать и умирать. С нами не делятся мыслями и сомнениями, потому что сомневающийся солдат – мертвый солдат. Нас кормят, поят, иногда отправляют по девкам – куда же без них-то, но в остальном вся наша жизнь – это бесконечная дорога с могилами по обочинам. Повезло, значит, попадешь к девкам дважды, срубишь денег, пограбив зажиточный город во время штурма, потом поднимешь кружку за горожан, которые поделились с тобой добром. Целями же с мясом не делятся, его ведут убивать и умирать.

Я аж опешил от такой речи, а зацепив краем глаза эльфа,

догадался, что он обескуражен не меньше.

– А, что, ушастый, ты теперь мясо, дружок, – Оррик зло на него посмотрел. – Такое же мясо, как я. Привыкай, принца тоже можно пустить на фарш.

Слова не слишком довольного своей судьбой человека. Но он не воин, а инквизитор, на его месте явно должно быть лучше, чем топтать грязь среди тысяч себе подобных.

Оррик, словно заглянул в мои мысли.

– Ты явно дивишься, чего это старина Оррик пустил нюни, это же целый инквизитор, а не обычный серопузый солдат. – Он невесело усмехнулся. – Только ты забываешь, что крови бывает слишком много даже для инквизитора. Я стал тем, кем стал, потому что хотел отомстить за своих. Теперь мне все чаще кажется, что я давно раздал свои долги.

Я посмотрел на Оррика, чтобы понять, что он чувствует, но увидел нагромождение цветов – им овладело то состояние, когда человек думает обо всем сразу, и мои способности бессильны что-либо показать.

– Я еду в Аллию, чтобы стать инквизитором.

Над костром повисла изумленная тишина.

– Ущипните меня, я, наверное, сплю, – наконец сказал Оррик охрипшим голосом и протянул эльфу руку.

– Что не так? – Я по очереди оглядел своих спутников. – Меня предупредили, что это непросто и мне придётся достаточно постараться.

Оррик крикнул, запустил руку в бороду и принялся ярост-

но скрести шею. Эльф выглядел слегка растерянным.

– Да уж, слегка постараться точно придется.

– Я чего-то не знаю?

– Хм, – Оррик прочистил горло, – видишь ли, Иан, дело в том, что одного желанья, чтобы стать инквизитором, недостаточно. Ты можешь не уметь читать и писать – тебя этому, если нужно, научат, ты можешь не знать счет – нам и считать-то нечего, но ты просто обязан уметь кое-что делать – драться! Вступительный экзамен в Семинарию – это поединок с не самым слабым соперником, который знает, с какой стороны братья за меч. И он будет оценивать не то, как ты умеешь драться сейчас, а можно ли тебя чему-нибудь научить.

Он окинул меня таким взглядом, что мне пришло в голову, будто он сомневается в моей способности просто держать в руке меч, не говоря уж о том, чтобы им хоть как-то владеть.

– Меня уже просветил отец Тук, – сказал я.

– Тогда какого же рожна... – возмутился Оррик, но я взмахом руки не дал ему договорить.

– Оррик, ты мог отказаться от этой прогулки? – теперь уже я начал заводиться.

– Каким образом?

– Вот и мне не предоставили выбора. Я либо стану инквизитором, либо... не стану, – закончил я, так и не придумав достойное окончание. – Князь Аэлэрэль ясно дал понять, что моя дорога проходит исключительно через ворота Семина-

рии, факультет Инквизиторов.

Оррик потер лоб, Аридил сидел, глубоко задумавшись.

– Мне жаль, что невольно втравил вас в это, – произнёс я. – Если бы это было в моих силах, я бы пошел один.

Оррик хмурился, но, несмотря на кажущуюся угрюмость, я уже знал, что злиться долго не в его характере, и хотя обычно излишним красноречием воин не отличался, сегодня он далеко превзошел себя прежнего. Аридил, с виду сама безмятежность, на самом деле бурлил внутри, как перегретый котел, аура эльфа, обычно монотонная, сейчас напоминала картину абстракциониста и по цвету, и по форме. Оба моих невольных товарища вертели шестеренками так, что мне казалось, что от обоих сейчас пойдет пар. Новая информация взбудоражила обоих, и они пытались просчитать, что она могла для них означать.

Первым, как ни странно, начал эльф.

– Я мог бы попробовать научить его драться, – сказал Аридил.

Оррик посмотрел на него так, будто с ним заговорил камень, на котором он обычно разделывает мясо.

– Вы в своих лесах, или откуда еще ты там родом, – он по очереди посмотрел на Аридила, а затем на меня, – видно, совсем позабыли, как принимают экзамены в Семинарии. Давай-ка я вам освежу память...

Честно говоря, когда я узнал, куда меня направляют, подумал, что все не так плохо. Проверка на владение оружием

не пугала, а лишь подогревала мой интерес – ведь у меня есть Оррик. Я был уверен, что за время в дороге смогу уболтать его показать мне, что называется, пару приемов. Мастером, мне, конечно, не стать, но я знал, что экзамен можно пройти даже в том случае, если просто выдержать три минуты (именно столько продолжается поединок), уйдя в оборону. Больше меня пугало чудовищное, по меркам современного человека, время в пути.

Как оказалось, боялся я совсем не того. Оррик, не жалея красок, расписал нам процесс поступления, и теперь я понимал, что князь фактически подsunул мне дохлую кошку в мешке. Дело в том, что в Семинарию может поступить любой человек, кто в состоянии раз в год на протяжении трех лет оплачивать свое содержание – пятьдесят серебряных монет. Никаких иных условий не существует. Платишь – учишься, некоторым Семинария даже оплачивалась за счет особого распределения. По окончании обучения получаешь назначение в какой-нибудь церковный приход – свободных мест больше, чем претендентов.

Если же ты решил, что твое место – стоять плечом к плечу с Чистыми Братьями – так в народе прозвали инквизиторов, – будь добр, доказывай делом, а не словами, что ты достоин, ибо инквизитор – это идеал человека, образец добродетели и мужской красоты. Догадываетесь, куда я клоню?

В жюри приемной комиссии заседают одиннадцать человек – по одному от каждой Конгрегации рангом не ниже епи-

скопа. Экзаменатор, против которого нужно выстоять три минуты, – инквизитор с уровнем владения оружием не ниже «мастер меча». Так что бой на равных – это к любителям ненаучной фантастики, а пока претенденты на поступление летали по рингу, как нашкодившие котята.

Считалось, что экзаменатор проверяет их силу, ловкость и волю к победе. Чистота рядов инквизиции блюлась строго: пьяниц, любителей дурман-травы и улиток гнали вшаей. За проступки карали без жалости. Главное, что касалось лично меня: Оррик не мог припомнить, чтобы в рядах братьев служили люди, имеющие какие-либо отклонения от общепризнанной нормы, – другими словами, кривоногим горбунам вряд ли будут рады в самой закрытой Конгрегации из всех, что он знал.

– Так что, – Оррик посмотрел на меня, – я бы сто раз подумал, прежде чем давал слово отправиться на испытание.

– Повторяю, – произнёс я с нажимом, – у меня, как и у вас, сложности с выбором.

Оррик вздохнул.

– Мое дело – предупредить.

Я повернулся к эльфу.

– Аридил, а ты что скажешь?

Эльф, наверное, впервые глядел на меня без пренебрежения и брезгливости.

– У меня достаточно времени, чтобы доказать, что принц – это не фарш.

Оррик в ответ на эти слова ухмыльнулся, а я подумал, что Аридил явно имел в виду что-то свое.

Глава 7

Следующий на нашем пути славный город Гавин мы решили обойти стороной. Делать там было нечего: мы крепко отоспались днем ранее, заодно пополнив запасы провизии в одной из деревень рядом с городом. Староста и слушать не пожелал, что нам нужно до заката миновать городские стены, и буквально силой забрал у нас лошадей, стоило мне заикнуться о цене за постой в гостинице. Всего за половину серебряного мы получили шикарное ложе на сеновале и место за хозяйским столом на ужин. А где-то за полночь Оррик, тихонько шурша соломой, испарился в ночной тишине. Спрононок я было решил, что его «прихватило» – мало ли как желудок отреагирует на незамысловатую деревенскую пищу, а потом, растянув рот до ушей, вспомнил, какими взглядами хозяйка одаривала нашего бравого инквизитора, когда Усан (так звали нашего хлебосольного хозяина), отвлекался на кого-то другого. Вот они, радости жизни обычного воина, о которых с такой охотой поведал мой боевой товарищ.

Инквизитор – ну и что, что бывший, ментов, как известно, бывших не бывает, – пошатываясь, вернулся под самое утро. Я так и не смог заснуть, время от времени проваливаясь в неглубокую дрему: слишком много посторонних звуков вокруг. Сеновал, кое-как обшитый корявыми досками и накрытый шапкой соломы, ничуть не скрадывал ощущение

улицы: сверчки, ночные птицы, шорохи за стеной и Оррик, пытающийся ступать, как здоровенная пьяная мышь, – все это лезло в уши и, несмотря на усталость, мешало уснуть.

Когда беспокойный воин прекратил ворочаться и засопел ровнее, я мстительно толкнул его в бок.

– Что так долго? Запор?

В ответ сначала была тишина, а потом, когда до сонного и обессиленного Оррика наконец добрался смысл моих слов, он яростно засопел. Впрочем, и сопение продолжалось недолго, сменившись коротким смешком.

– Всыпать бы тебе хорошенько! – прошептал он с чувством. – Спи, завтра не будем так плестись по дороге и пойдем галопом.

Вот кто меня тянул за язык?

До Гавина, третьего города Темирской Торговой Автономии, через который пролегал наш путь, мы добрались за двадцать четыре дня вместо запланированных одиннадцати, но и так и эдак прикинув услышанное из того памятного разговора в самом начале нашего путешествия, я пришёл к выводу, что торопиться все-таки не стоит. Поначалу я думал, что непременно нужно успеть к началу экзаменов именно в этом году, чтобы иметь возможность попытать свое счастье дважды, с тем расчётом, что первый раз могу позволить себе провалить испытания, зато разжиться опытом и уже к следующему подойти во всеоружии. В свете того, что рассказал

Оррик, я на всех парах летел к самому грандиозному в своей жизни провалу: уверен, что никакой пробы пера, тестирования и «сдам на следующий год» мне не светило. Зная мою судьбу, обязательно произойдет какая-нибудь пакость. Лучше уж опоздать и изучить детали, чем запороть дело наскоком.

Придя к выводу, что «поспешишь – получишь шиш», как говорил мой отец, я успокоился и начал получать наслаждение от процесса. И процесс, как говорится, пошел!

Во-первых, я перестал изводить себя мыслями, что мы куда-то опаздываем, а следовательно, нервничать по этому поводу. Год у меня есть, сцену вряд ли будут менять, так что ничего, подождут, а я к тому времени что-нибудь да придумаю. Во-вторых, нужно было что-то решать с лошадыю: мы никак не могли сойтись с ней характерами или ещё по какой причине, но верховая езда оказалась для меня сущим кошмаром – вот все, что я получил от общения с этим архаичным способом передвижения.

В один из дней я подошёл к Оррику.

– Что я делаю не так?

– Ты о чем-то конкретно? – поинтересовался тот.

Я вздохнул.

– Давай начнём с лошади.

Оррик хмыкнул.

– С чего бы? Едешь и едешь.

Ага, это мои слова. Помнит же, старый черт.

– Так было раньше, а сейчас хочу послушать твоих советов. Почему я никак не привыкну?

Но помощь пришла совсем с другой стороны.

– Ты сидишь на лошади, как будто на сломанном стуле, а едешь на ней, словно погоняешь плетень.

Я оглянулся: эльф на коленях стоял у огня и размеренно свежевал только что добытого Орриком зайца – сегодня ему повезло подстрелить на охоте ушастого и нас ждал знатный ужин.

– Вон, – опять хмыкнул Оррик, – послушай, что умные люди говорят.

На «люди» эльф не отреагировал, а я припомнил, что инквизитор стал намного меньше цеплять Аридила, хотя иногда и не отказывал себе в удовольствии. После того случая в Бадери, когда я остановил толпу, они стали гораздо терпимее относиться и к моим промахам.

– Я всю дорогу за тобой наблюдаю, – тем временем говорил эльф, даже не глядя в мою сторону. – Ты странный человек, Иан. Упорный, целеустремлённый, у тебя есть воля, ты вглядываешься в самую суть, но почему-то видишь только то, что хочешь увидеть. Ты настолько не прислушиваешься к другим, что даже если собаку называют собакой, а тебе взбрело в голову, что это кошка, то она так и останется для тебя кошкой. Еще я заметил, что ты совсем не делаешь разницы между мной и Орриком. Тебе плевать, эльф я или, скажем, гном. Уверен, что даже с орком ты вел бы себя точ-

но так же. Это странное чувство, Иан, боюсь, я был не готов к такому. Дома меня воспринимали исключительно в свете моего положения, возраста, связей и возможного будущего. Тебе, как ты тонко подметил, по барабану, что я принц, а он инквизитор. Ты относишься ко мне, как это ни странно звучит, просто как к человеку, у которого длинные уши. И это ставит меня в тупик: кто ты, Иан? В каком краю процветают такие обычаи? Кто занимался твоим воспитанием? Я кое-что слышал про твою историю, но это ни в малейшей степени не дает ответы на эти вопросы. Я перебрал в уме сотню мест, но не смог представить себе тех, кто воспитывает ребенка так, что он полностью игнорирует сословные и расовые различия.

Вот и приехали. Это тебе не смущенное бурчание Оррика. Его хоть и удивляли некоторые моменты в моем поведении, но он старался о них помалкивать, делая вид, что ничего особенного не происходит. Эльф не был ограничен словом своего босса и за свои полтысячи лет, видимо, листал перед сном отнюдь не бульварное чтиво, коль настолько точно описал мой портрет. К счастью, мне не пришлось отвечать: Аридил, похоже, не очень-то ждал ответа, рассуждая, скорее, с самим собой.

– А ещё во мне вызывает изумление твоя привычка: ты никогда не спросишь совета. Ты всегда лучше всех знаешь, почему встаёт солнце, где взять еду, и я уверен, стал бы учить нас держаться на лошади. Почему бы не узнать заранее, как

правильно делать ту или иную вещь, если сам не умеешь, а рядом есть люди, готовые с тобой поделиться?

Я мысленно простонал: нашелся тоже доморощенный аналитик на мою голову. Сделав глубокий вздох, я бросился с головой в омут. Всем нам когда-то приходится делать первый шаг.

– С лошадкой поможешь?

Ума не приложу, когда я давал разрешение так над собой измываться?!

На коротком совете, в котором я принимал участие, безмолвно помаргивая глазами, высокие и не очень стороны постановили: спуску мне не давать, ибо дело предстояло серьёзное, практически невыполнимое: научить всему, что умели сами, дабы мог я – далее по списку – постоять за себя, разумением не ударить в грязь лицом, манерами не оскорбить семью эльфа, глупостью не насмешить Оррика. Списочек-то можно продолжать и дальше, там пунктов о-го-го сколько, но чтобы общий смысл передать, достаточно.

Поначалу я решил взбунтоваться. Да мне плевать, что только команда может бунтовать против своего капитана, если предстоит менять правила, почему бы и не подправить это? Есть у меня права или нет?! Бунт, и ещё раз бунт, страшный и непредсказуемый! Я уже начал продумывать свои первые шаги в его направлении, как кое-что заставило меня тормознуть.

На фоне неумехи-командира мои спутники начали трудный процесс сближения и притирки. Перво-наперво я подметил, что Оррик старается не использовать унижительные эпитеты в отношении эльфа. Даже «длинноухого» я и то почти от него не слышал. Хотя, по большому счету, с чего бы?

Аридил тоже немного оттаял, изредка перебрасываясь короткими фразами с инквизитором, но по-прежнему держался на расстоянии. Впрочем, и чужим он уже не чувствовался – скорее, задумчивым, отстраненным, но уже не враждебным. И заносчивости со спесью в нем поубавилось. Нет, конечно, на людях все это демонстрировалось и выпячивалось сверх всякой меры, но тут, при своих, он словно прятал свою корону и надевал тапочки.

Ради таких изменений можно поступиться многим, поэтому я терпел. И не просто терпел, а добросовестно выполнял все, что придумывали для меня мои изобретательные наставники.

Глава 8

– Это точно граница? – я вертел головой, но вокруг не было ни малейших следов присутствия человека. Весь мой опыт перемещений из одного государства в другое вопил об иррациональности.

Прямо передо мной широкой черно-коричневой полосой раскинулась Ула. Река разделяла Темирскую Торговую Автономию и королевство Гальд, что, наверное, способствовало мирному межеванию и отсутствию территориальных претензий. Не Миссисипи, конечно, – противоположный берег просматривался невооружённым взглядом, – но и не ручеёк, который можно перейти вброд: русло обладало именно той шириной, увидев которую, средний пловец вроде меня махнет в сомнении рукой – свою лихость можно продемонстрировать и по-другому.

Впрочем, к реке у меня вопросы отсутствовали. А вот циклопических размеров сооружение, которое должно было служить каким-то неведомым целям, но пока что являлось всего лишь мостом, вызывало их массу. Представьте себе стадион в лесу, или нет – для полноты ощущений пусть он будет в пустыне. Здание, огромное, нелепое, чужеродное настолько, что глаза непременно отыскивали его, даже если смотришь в другую сторону. Почти черный кусок скалы на фоне коричневой воды, и, как ни странно, цвета не сочета-

лись друг с другом. У меня возникло ощущение, что это реку пустили здесь после того, как воздвигли мост.

Зачем оно здесь? Мысли вертелись одна безумнее другой, но спросил я совсем не то, что думал.

– А где застава? Где стража?

– Стража? – удивился Оррик. – Зачем? Кому нужен мост?

– Да причём здесь мост? Я про границу.

– А её от кого охранять? – сказал инквизитор.

Я отвлекся от созерцания. Что-то не сходится. Или я чего-то не понимаю. Как это – от кого охранять границу?

– Да от кого угодно: перебежчики, нелегальные переселенцы, шпионы, воры и убийцы, соседская армия, наконец, – начал перечислять я тех, кому могли пригодиться услуги стражей порядка.

Оррик остановил коня, заставив его сдать назад – я так ещё не умею, – и поравнялся со мной.

– Иан, ты вообще о чем?! Какая армия, какие перебежчики?

Кто бы знал, о чём я вообще. Вот так прямо «вообще». Если бы не воспитание и не с потом и кровью впитанный курс актерского мастерства, который меня заставил пройти отец, а потом еще масса частных уроков, где усиленно вбивали в голову хитрое умение правильно изъясняться, заменил бы «вообще» на «ваще».

Бывший инквизитор, молчун и человек, которому платят

вовсе не за слова, приоткрыл ещё одну грань своего характера, оказавшись весьма неплохим рассказчиком. Сын кузнеца, говорите? Ну-ну. Уж не знаю, с чего вдруг его «пробило на поговорить», но в течение часа я узнал об Арли больше, чем за все время, проведенное здесь. При этом Оррик из простого начальника охраны в моих глазах вырос до человека, который пообтесался в соответствующих кругах. Оказалось, он разбирается в местной кухне – если и не повар, то подмастерье уж точно. Ценность такого партнера выростала на порядок!

Для начала он подозрительно на меня посмотрел, а затем выдал мне короткую справку.

– На Арли ни у кого, кроме церкви, нет армии, – сказал он. – Ни у каких королей, герцогов или тем более баронов. Запрещено церковным эдиктом так давно, что уже никто не помнит, когда это было.

Оррик рассказал, что ни одно королевство не вправе формировать, обучать и содержать войска. Наемные дружины – пожалуйста, но численность их строго оговорена и ограничена тем же эдиктом. У короля она больше всех, бароны, маркизы, графы – все они тоже могут держать при себе вооружённых людей, но опять же, именно столько, сколько им полагается. Полагалось, к слову, не так уж много.

Король имел право ещё и на гвардию. Формировалась она сплошь из отпрысков знатных семей. Билет в это подразделение – высшая степень признания заслуг перед короной,

однако есть и приписка, гласящая, что любая кандидатура проходит утверждение церкви. Использовать гвардию в междоусобных конфликтах строжайше запрещено. Они несли функцию почетного караула и личных телохранителей, все остальное выполняли наемники. Крестьянам и прочим сословиям, если в крови нет благородных предков, брать в руки оружие было строжайше запрещено. Войны между королевствами не приветствовались священниками, а значит, и не велись.

– Наши границы освящены богами, и не дело смертным на них покушаться, – отрубил Оррик. – Короли – другое дело, если кишка не тонка, можешь попробовать основать свою династию, но никаких войн. Яд, удавка или наемный убийца – это пожалуйста.

На дразги, интриги и распри внутри стран церковь смотрела сквозь пальцы. Короли и лорды вынуждены были защищать свою власть самостоятельно, впрочем, оппозиции приходилось быть в сотни раз изобретательнее, ибо одна из главных сил любых заговорщиков – армия, как стабильный фактор поддержки и правящего класса, и предполагаемых бунтарей, – в данном случае отсутствовала. В этой связи смена династий в королевствах – весьма редкое и нерядовое явление.

– Офигеть! – присвистнул я. Нет, я и раньше подозревал, что церковь на Арли и бог, и царь, но чтобы настолько... – А наёмники тогда зачем? Ты же сказал, что их много. И откуда

они берутся?

– Побываешь в Отрогах Мудрости – узнаешь.

Оррик умел отвечать на вопросы. Информативно до крайности, а главное, эмоционально – я в который раз уже слышу это название, но никаких подробностей о нем мне не рассказывают. Что же это за место такое? Контекст, впрочем, не слишком располагает к романтике, и предложи мне кто-нибудь там побывать, я бы наверняка отказался. Как-нибудь потом, в другой жизни.

Инквизитор, между тем, продолжал. Я узнал, что отсутствие регулярных войск не самая удивительная вещь. Помните поговорку: «Где родился, там и пригодился»? Обычная пословица, немного потерявшая смысл в наше время, здесь оказалась возведена в абсолют. Свод правил предписывал человеку практически все, начиная от рождения ребенка, заканчивая смертью кого-нибудь из родных.

Особые ограничения касались передвижения народных масс. Собственно, о каких уж тут массах говорить. Даже поход в соседнюю деревню требовал разрешения местного священника, хотя, скорее, формального, чем действительно обязательного. Другое дело, если человеку нужно поехать в город. Многие, имея свое хозяйство, частенько наведывались на местные рынки, чтобы, с одной стороны, избавиться от излишков, с другой – выменять что-то, что требовало замены. Без подорожной путник легко мог оказаться в темнице, а старосте деревни грозил солидный штраф. И уж со-

всем строго смотрели за теми, кто решил по каким-то причинам переехать в другую провинцию. Незнатному люду достать подобное разрешение – все равно что десять раз подряд выкинуть решку – математическая вероятность есть, а фактически никому и в голову не приходит пытаться. По этой же причине перебраться в другую страну для местных означало то же самое, что и попытка основать колонию на Луне для жителя тундры: крестьяне имели крайне скудное представление о мире, а про иные королевства слышали, что они вроде бы есть, предпочитая не задумываться о вещах, которые напрямую их не касаются.

– Купцы – те, конечно, шныряют повсюду. Да кто ж их останавливать будет, выправил разрешение – торгуй на здоровье. Только про налоги не забывай, – заметил Оррик.

Насколько я понял, торговля – чуть ли единственный легитимный способ для населения перемещаться из города в город. Она же поставляет свежую информацию. Естественно, для священников таких ограничений не существует, они отчитываются перед своими, если отчитываются вообще. Отдельной когортой выступают бывшие соратники моего спутника. Эти вообще, что называется, вещь в себе. Абсолютная власть и непогрешимость – вот их девиз, никому и в голову не придет призвать их к ответу, что бы они ни делали, но обвинять во всех грехах я их пока не спешил – мой случай особый, а о других мне пока неизвестно.

Тут я вспомнил своего недавнего знакомого, не слишком

подпадающего под описание «законопослушный», Кривой Эл не принадлежал ни к торговому люду, ни уж тем более к священникам, но точно также был заинтересован в свободе перемещений, да и вообще свободе, как таковой. Конечно, у каждого свое представление о свободе, и используют ее все по-разному, но мне, если честно, не слишком по душе, когда вокруг сплошные ограничения.

– Церковь в Автономии старается не слишком нажимать на людей, – признался Оррик.

Как там у эльфов, гномов и орков, инквизитор не знал, а Аридил не спешил удовлетворять мое любопытство, впрочем, я заметил, насколько внимательно он прислушивался к нашему разговору, хотя и не участвовал в нем.

– Остановимся вон там. – Оррик показал на холм перед мостом с другой стороны дороги. – У холма есть небольшая полянка, там обычно отдыхают торговцы перед тем, как идти на ту сторону.

До моста осталось не больше четверти километра, и дорога, заложив очередную петлю, на мгновение скинула с себя воротник из растительности, позволив оценить грандиозность сооружения. Я натянул поводья.

– Кто его построил?

Инквизитор проследил за моим взглядом.

– Гномы, кто же ещё.

Я покачивался на лошади, и даже стертая почти до плеч задняя точка перестала меня беспокоить, словно мост, по-

строенный гномами, выросал не только перед глазами, но и разместился в моей голове. Примерно так же смотрелся бы небоскреб по соседству с деревней в глубинке.

– Гномы творят из камня то, что времени не подвластно. – Аридил подъехал сзади, его взгляд тоже был устремлен на реку. – Мы, эльфы, приветствуем красоту во всех ее проявлениях, потому что знаем её цену.

Я бросил взгляд на Аридила и подумал, что загадки имеются и поближе, чем этот мост. Мысли плавно перетекли на последние дни нашего путешествия.

Похоже, я нашел-таки лучшего в своей жизни учителя. Благодаря Аридилу Звездочка действительно стала моей лошадью. Когда она в первый раз опустилась передо мной на колени, чтобы я сам смог взобраться в седло, я радовался как ребёнок.

Правда, дальше уроков наши отношения не клеились.

– Чего застыли?! – крикнул Оррик. – Лагерь сам себя разбивать не будет.

Утро, как обычно, началось с пытки. После моей просьбы научить меня верховой езде мои спутники почему-то решили, что могут творить со мной всё, что вздумается. Вздумалось им буквально следующее: общая физическая подготовка, владение оружием, конный спорт и ещё по мелочи. Энтузиазм моих доморощенных учителей был немедленно вознагражден: они с такой энергией взялись за мое обучение, что

едва меня не угробили. Когда я открыл глаза после второго в своей жизни обморока, увидел оба лица, склонившихся надо мной и пылающих аурой страха. Но на этот раз наученный горьким опытом эльф и не подумал куда-либо уезжать. Оррик ограничился хлопком по плечу и коротким «ладно».

К счастью, довольно быстро выяснилось, что ниндзя при всем желании инквизитора из меня не выйдет. Я искренне жалел Оррика, видя, как он сокрушается по поводу моей непригодности к школе молодого бойца. Да какое там к школе, мне был закрыт путь даже в ясли! Что поделывать, простейшие упражнения, которыми, как оказалось, был до зубов вооружён мой человеческий спутник, для меня являлись прямым путём на тот свет. Мое искреннее желание помочь исполнить ему долг наставника натыкалось на полную неспособность моего тела к физическим упражнениям. Стоило мне дать даже мизерную нагрузку на мышцы, у меня учащался пульс, полыхало огнем лицо. Если проигнорировать первые признаки, пульсирующая боль из рук, словно ручеек раскаленной стали, заполняющий мелкие трещинки в заготовке, по венам добиралась до верха спины, перетекала в затылок, и меня скручивала жесточайшая судорога, а потом пульей из тела вышибало сознание. После четырех подряд случаев даже упрямому инквизитору пришлось скрепя сердце признать, что ученик ему попался посредственный, если не сказать больше.

Вопреки распространённому мнению никакие трениров-

ки не помогали отодвинуть порог нагрузок. Поэтому, скрипя зубами, мне урезали их до минимума. По той же причине планы Оррика вложить в корявые руки меч также не увенчались успехом. Оружие я держал и только, ни о каком размахивании и уж тем более овладении изощренной техникой и речи не шло – боль в спине и обморок практически сразу. В итоге бедняга инквизитор плюнул и стал учить меня ножевому бою или тем огрызкам, которые у меня получались. С паршивой овцы...

Гораздо дальше мне удалось продвинуться в верховой езде. Я больше не падал с лошади и мог держаться в седле все дольше и дольше. Больше того, в один из дней мне пришло в голову, что я ощутил некий ритм, который роднил меня с лошадью, превращал в единое целое. Восторг до того затопил мое существо, что я долго не мог успокоиться: о, это великое чувство, что теперь я всемогущ!

У меня постепенно складывалось понимание своих возможностей: сила, ловкость, умение – явно не про меня. Надежда переждать поединок таяла, как снег на весеннем солнце. Любому самому тупому невежде при виде меня становилось понятно, что никаких перспектив в бою на мечах и вообще силовых поединках у меня нет, и место мое не впереди на лихом коне, а на трибунах – с тремя лишними подушками под задним местом.

После короткой разминки с Орриком эльф разложил на циновке скудный завтрак: вяленое мясо и сухари.

– Здесь всегда так? – спросил я, потягиваясь.

– Как? – буркнул Оррик, не оборачиваясь.

О! Да, сегодня господин бывший инквизитор не многословен! Честно говоря, вчера он меня удивил, выдав такую лекцию. Обычно, кроме слов про еду и потока ворчания от него ничего не добьёшься. Правда, своей откровенностью он добился прямо противоположного: разжег любопытство и подкинул много новых вопросов, на которые вряд ли ответит, в очередной раз отправив к епископу.

– Ну, вот так, – я сделал неопределённый жест, – сыро, холодно.

– Всегда, когда я тут бывал, – выдавил из себя Оррик. Ему явно не хотелось продолжать разговор.

– И часто ты тут бывал? – Я ж говорил, что мне нужно тренировать свои навыки? Сейчас я упражнялся в упрямстве.

– Приходилось, – неопределённо сказал Оррик.

Аридил при этом не проронил ни слова, монотонно двигая челюстями. Замечательная у меня команда, дружная и сплоченная. И командир у нее...

После короткого завтрака мы вступили на мост. Стук копыт гулко отдавался от стен.

– Давно его построили? – Мне стало любопытно, почему покрытие моста выглядит так, будто его возвели только вчера и только-только содрали защитную пленку.

– Да кто ж знает-то, – хмыкнул Оррик, которого, похоже, мост интересовал в последнюю очередь. Он слишком внима-

тельно вглядывался вдаль.

– Все творения гномов, что ты встретишь на поверхности, – вдруг услышал я голос эльфа, – появились задолго до последней войны.

– Войны? – Оррик обернулся. – Когда это гномы участвовали в войне? Недомерки вылезли из своих нор, когда церковь вернула им землю на поверхности.

– Давно, – эльф задумчиво осматривал местность. – Задолго до моего рождения. Родители избегают говорить о тех временах. Думаю, что мосту вряд ли меньше двух-трёх тысяч лет.

Глава 9

Шел восемьдесят первый день нашего путешествия. Каждый из них кособокой чертой ложился на страницу моего дневника. Поначалу я пытался записывать свои мысли и кратенько пробегаться по действиям, но после второго раза оставил эту затею. Во-первых, что конкретно писать? Все дни похожи один на другой, как две капли воды. Во-вторых, первая же попытка нанести на грубо выделанный лист коричневой бумаги свою бесценную мысль вылилась в кляксу прямо посередине слова. Как вообще пером можно что-то писать? В лучшем случае нарисуешь ценник на помидоры: «Томата вкусная, сладкая – 300 р.». И то в итоге не решишь, что накарябал.

Вот бы мне бы сюда хотя бы самую дешевую ручечку с синеньким обгрызенным колпачком, тогда бы я размахнулся! Пока же графоманство свелось к одним черточкам и крючочкам, с помощью которых я отмечал дни в дороге.

Впрочем, оказался в моих мытарствах и некий смысл: своими стараниями и высунутым от усердия языком я привлек внимания Аридила. Если Оррик с пренебрежением относился к моим потугам, то эльф заинтересованно посматривал в мою сторону, когда я садился за «блог». Несколько раз я с удивлением обнаруживал, как он уходил куда-то по делам, но всякий раз незаметно для меня возвращался и загляды-

вал в мои прописи, его аура наполнялась оттенками любопытства, а на меня опускалась волна изумления и недоумения. Похоже, я отыскал-таки кое-что значимое и для нашего высокородного спутника.

Драгоценный груз с аккуратным подсчётом времени был упрятан в глубине седельных сумок и завернут в непромокаемый кусок рыжей кожи, выделанный таким образом, что походил на папку-карман. Это был подарок принца – Аридил как-то раз заметил, что я старательно заворачиваю свои каракули в парусину, в надежде, что природа своими мокрыми щупальцами не доберется до них. Он подъехал вплотную, порылся у себя в сумке и сунул мне в руку что-то, завернутое в нарядную ткань. Улыбнувшись, наверное, первый раз за тысячу лет, эльф гикнул и легко пустил свою лошадь в галоп. Рассматривать, что же мне перепало, пришлось уже в одиночестве, но я был на седьмом небе от счастья даже не от самого подарка. Мне до жути хотелось, чтобы этот дар был началом чего-то большего.

Противоположный берег, на котором, если верить карте, начиналась территория королевства Гальд, ничем не отличался от своего собрата. Та же трава, те же деревья, тот же воздух – в общем, если бы не мост и слова Оррика, я бы и не заметил, что пересек границу. Приноровившись к размеренному шагу Звездочки, я вскоре погрузился в обычное для путника состояние: сознание твое улетает ввысь, гла-

за фиксируют проплывающую мимо дорогу, ни на чем конкретно не останавливаясь надолго, мысли, вялые и такие же неспешные, как постукивание копыт по земле, текут медленно, неторопливо, погружая тебя в режим энергосбережения.

Вдруг лошадь встала, и я выпал из состояния автопилота. Привал? Надо сказать, моя спина служила прекрасным счетчиком расстояния: несмотря на некоторую выносливость, организм восставал против чрезмерной нагрузки. Сильная боль разливалась по телу уже через пять километров после начала движения. Два часа непрерывной скачки выбивали меня из седла вернее, чем эльфийский лучник – своих врагов. Приходилось спешиваться и отдыхать. Мои спутники давно перестали возмущаться по этому поводу, приняв эти остановки как нечто неизбежное: форс-мажор, дождь, да что угодно, – ни повлиять на явление, ни тем более изменить его никому не под силу, так зачем тратить нервные клетки.

Оррик, как обычно возглавлявший наш маленький караван, остановился, развернул коня и похлопал его по тяжелой шее. Глаза бывшего инквизитора, непривычно сузившиеся, напоминали щели амбразуры, откуда вот-вот высунется ствол пулемета. Такой взгляд я видел у него лишь однажды, когда он вступил в бой с превосходящими числом разбойниками, которые погнались за мной, а нарвались на инквизитора. Догадавшись бросить на него свой особый взгляд, я стал свидетелем странной картины: недоумение, раздражение и страх. Он что, боится?!

– Кто-то идет за нами, не больше тысячи шагов, – наконец вымолвил он.

Вот они, те самые неприятности! С одной стороны, нарушать идиллию нашего путешествия страсть как не хотелось, а с другой, я прекрасно понимал, что в мирное время герои тихо спиваются за сериалами, и команду мне таким образом не собрать.

– Будем уходить?! – жадно спросил я. – Или примем бой?

Мной овладело непонятное возбуждение, подсознательно мне, видимо, давно хотелось прервать размеренное течение времени. Нашему маленькому отряду просто необходима встряска, и мне почему-то казалось, что стычка с неведомым противником наилучшим образом подходит на эту роль.

На меня уставились оба моих спутника. Один с изумлением, второй недоумевающе кривил бровь.

– Ни то, ни другое, – наконец сказал Оррик. – Выясним, что им от нас надо. Мы не сможем уйти, но и драться будем в последнюю очередь.

Впору было разинуть рот – и это я слышу от лихого инквизитора, родившегося с мечом и играючи раскидавшего бандитскую шайку. Но он слишком выразительно на меня посмотрел, и я почувствовал, как заливаюсь краской. За смущением я постарался скрыть разочарование от его решения. Конечно, как я мог позабыть о слабом звене. О себе любимом. И, как обычно, не учел всех последствий возможного

столкновения.

– А теперь запомните, – сказал он, – наш ушастый друг с этой минуты – доверенное лицо князя Аэларэля. Я наемник из Гронга, а ты... – он смерил меня придирчивым взглядом, решая непростую задачу, какую же роль мне отдать.

Я смотрел ему прямо в лицо и терялся в догадках. Что происходит? Из услышанного следует, что Оррик решил не открывать наших реальных личностей. С чего вдруг? Боится, что узнает начальство? Ну, допустим, нас лишили покровительства Церкви, но ведь временно и не навсегда. Тогда зачем такие сложности с новой легендой, которую, в принципе, и проверять никто, кроме самой Церкви, не будет. Или я опять ошибаюсь? Стал ли епископ отсылать свое решение в головной... ну, назовем его офис. Да даже если бы и отправил, пройдет просто прорва времени, пока записка доберётся до цели. Насколько я знаю, штаб-квартира еще дальше, чем то место, куда мы держим путь. Пока еще она доберётся до цели... Нужно ведь ещё ее подписать и разослать по местам. Вряд ли это такая уж важная информация, что ей будет мгновенно дан ход, так что мне совсем непонятен такой поворот.

Ну ладно, Оррику лучше знать, что происходит, так что я решил ему подыграть.

– Оруженосец! – подсказал я первое, что пришло в голову.

– Кто?! – одновременно спросили мои спутники.

Конечно, я сказал это слово на своем родном языке, ведь

аналогов я пока тут не слышал. Под взглядами обоих мне опять стало не по себе.

– Мальчик на побегушках, – скорректировал я статус. Фиг с вами, будем играть свой возраст, но, видя недоумение на лицах обоих, мне пришлось пояснить: – Ну, там, меч поднеси, водички налей, коня накорми.

Оррик обрадованно хлопнул меня по плечу, а потом с опаской посмотрел, что со мной стало, но я достойно пережил знак его расположения.

– Отлично придумано! Будешь моим слугой, – переиначил он на свой лад.

– Может, лучше его? – я вопросительно посмотрел на Аридила.

– Сдурел? У эльфов не бывает человеческих слуг. – Оррик лихорадочно продолжал: – Встретились и познакомились в городе. Он держит путь в Алату. Мы увязались за ним, потому что вместе безопаснее и не так скучно.

– То есть людей-слуг у него быть не может, а попутчики-люди всегда пожалуйста? – попытался подначить воина я, но меня попросту проигнорировали.

– Попридержи язык, – зло бросил Оррик, и я застыл на лошади с открытым от изумления ртом, чувствуя то же самое, как если бы моя рука стала действовать вопреки моим желаниям.

Видя мое неопишемое изумление, взгляд Оррика на мгновение смягчился. Он положил руку мне на плечо.

– Не делай поспешных выводов, сынок, в свое время ты первый узнаешь, что происходит.

Где-то я уже слышал эту фразу. Я почувствовал, как внутри меня закипает гнев. Происходило что-то непонятное, и мне это не нравилось. Оррик без всяких слов понял, что я чувствую, и отвел взгляд, что только укрепило меня в моих мыслях. Впрочем, в следующий миг он упрямо тряхнул головой и посмотрел мне в глаза. Вот интересно, а эльф в курсе того, что сейчас происходит? С какой стати вдруг потребовался весь этот спектакль? Два месяца прекрасно обходились вообще без легенд, но стоило пересечь границу, как тут же нарисовались сложности. Я закрыл глаза на мгновение, попытавшись выбросить мысли о произошедшем из головы или хотя бы упрятать их глубже, сейчас не время и не место для выяснения отношений. Нужно думать о внешней угрозе и настраиваться на неприятную встречу. А что может быть приятного, когда тебя догоняют преследователи, – чутью инквизитора в этом вопросе я полностью доверял.

Мы остановили лошадей и развернулись. Причём я развернулся дважды – Оррик и Аридил проводили мой странный маневр слегка удивленными взглядами. Мне, конечно, стало неловко, но Звёздочке в этот момент захотелось продемонстрировать, что она тоже в состоянии проявить характер. Наконец я присоединился к своим спутникам, и мы принялись ждать.

Утро к тому времени окончательно разметало ночной туман, и дорога хорошо просматривалась до ближайшего поворота, который находился шагах в двухстах от того места, где расположились мы. По обе стороны от дороги зеленели луга, изредка, как пальмы в кадках, торчали стволы деревьев, обросшие по кругу кустами поменьше и так до самого горизонта. Пейзаж, который легко можно найти в любой европейской стране. Стоило лишь закрыть глаза и представить, что ты... Я с сожалением отогнал наваждение: ни к чему в такой момент пускаться в ненужные сентиментальные грёзы. Но справиться с лезущими отовсюду мыслями оказалось не так-то просто: вокруг ни следа человека, ни жилья, ни полей – если бы не уверенность Оррика, что за нами идут попятам преследователи, ощущение, что мы одни на всем белом свете, было бы полным.

Я покрутил головой: мои спутники внешне держали себя спокойно, оружие никто не прятал, но и обнажать не спешил. Они производили ощущение людей, уверенных в своих силах, которым сам черт не брат. А вот я по мере приближения неизвестности понемногу терял боевой настрой. Даже нож за поясом, рукоятка которого сейчас грела мою ладонь, не добавлял уверенности. Под неодобрительным взглядом Оррика я так и не решился его достать. Похоже, он все еще хочет разойтись миром.

По лицу инквизитора проползла ухмылка. В тот же момент неясный шум добрался и до моих ушей: глаз уловил

движение, и из-за поворота показались всадники. Я насчитал пять... семь... девять, десять! Десять человек шли по нашему следу.

– Многовато, – одними губами прошептал Оррик.

– В самый раз, – на его же манер ответил эльф.

Значит, все-таки деремся? Или это оценка сил: типа, если ты возьмёшь на себя пятерых, я разделаюсь с остальными.

Мы все так же не двигались с места, и нас-таки разглядели: передние осадили коней, последовал короткий обмен мнениями, затем они возобновили движение, пустив коней шагом.

Мне представилась замечательная возможность опробовать свои способности не на одном человеке, а на группе, объединенной общей идеей. Нечто подобное я уже проделывал раньше, когда развернул настроение толпы в Бадери. Но там и тогда осознание происходящего пришло много позже, фокус получился практически бессознательно, на автомате. Сейчас пришло время осознанных действий.

Не так давно я выяснил, что для моего дара расстояние имело значение: шагах в десяти от человека аура над его головой бледнела, съеживаясь, как воздушный шар на морозе, еще пара шагов, и у нее вовсе пропал цвет. Сколько я ни пытался, иной раз мой «радар» не добивал даже до Оррика, который по традиции всегда ехал первым в то время, как мне приходилось держаться посередине.

Совсем другое дело, если людей становилось много, и у

всех формировалась единая цель. Как в тот раз, когда мы едва не попали под раздачу, стоило нам очутиться в городе, так и сейчас навстречу нам направлялись люди, объединенные общей идеей, и пусть их гораздо меньше, степень эмоционального напряжения перевешивала численное меньшинство. Я снова оценил подарок богов: если думать о людях, как о едином целом, общая масса аур соединялась в одну, и это море эмоций, подпитываемое из многочисленных источников, представало во всей красе. Как будто художник одним мазком кисти вдруг смешал всю палитру. И по нему я мог судить о степени агрессивности всей толпы. Готовы они броситься в бой, раздирая рот в отчаянном крике, или крепко стиснутые кулаки означают лишь настороженное внимание и готовность защищать свою жизнь.

– Они пока не опасны, уверены в своих силах и просто настороже. Да, и немного разочарованы тоже, – неожиданно даже для себя самого выдал оценку я.

– С чего ты взял? – удивился Оррик после того, как меня удостоили слишком внимательным и недоверчивым взглядом.

– Чую, – коротко ответил я.

Эльф хмыкнул.

– С тебя серебрянный, инквизитор, я говорил, что наш юный друг полон сюрпризов.

Оррик дёрнул щекой.

– Выживу, займу у Иана.

Эльф опять хмыкнул, но больше ничего не сказал. А я чуть не разинул рот: они, оказывается, имеют наглость на меня спорить! Да ещё и за мои деньги!

– Я хочу все знать! – прошипел вдруг я. – Все! Слышите?! От начала и до конца!

На этот раз на меня никто даже не посмотрел.

– Все он хочет знать, – передразнил меня Оррик. – Я, может, тоже хочу знать, почему солнце ложится на западе, а встаёт на востоке, но кто бы мне это сказал.

Я чуть не заржал в голос.

– Договорились!

– О чем?! – на этот раз инквизитор повернулся всем корпусом. – О чем, демон заberi эту дорогу, этих людей и тебя заодно, мы успели договориться?!

– Ну как же? – деланно удивился я. – Я тебе про Солнце, ты – про все остальное.

На этот раз эльф не выдержал и расхохотался.

Глава 10

– Именем инквизиции... – грозно начал воин, за которым тянулась цепочка вооружённых людей, но уже на третьем слове замешкался: интересно, что мы должны были сделать ее именем? Остановиться? Убрать оружие? Мы и так стояли, дожидаясь, когда нас наконец догонят. Воин слишком быстро осознал нелепость возможных требований и поспешил сменить тему. – Кто вы такие?!

Меня слишком быстро и согласованно оттеснили назад. С правой стороны вперёд двинул коня инквизитор, эльф остался стоять неподвижно, поэтому они полностью перегородили дорогу, что не укрылось от глаз наших возможных противников и явно их не порадовало. А там были все сплошь серьёзные люди: у самого первого на голове красовался яйцеобразный шлем, с распущенными ремешками, – до этого я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь носил шлем – куртка из стеганой ткани с нашитыми поверх бляхами из металла, такие же точно штаны, кожаные рукавицы с наклейками в виде кастета, и в дополнение ко всему колючий, суровый взгляд из-под кустистых бровей. Его рука медленно ерзала на рукояти меча, а глаза настороженно ощупывали бывшего инквизитора: ему он, похоже, не доверял, а меня попросту игнорировал.

Остальные были попроще, но и они не производили впе-

чатление новичков: слишком жесткие лица, чересчур уверенные движения побывавших в переделках людей. И хотя других мечников я не заметил, отряд выглядел спаянной боевой единицей, в любой момент готовой прийти на помощь своему командиру. Воины крепко держали копья и окованные сталью дубины, ожидая от главного только знака, чтобы втоптать нас в пыль. Впрочем, на вопрос, чем лучше получить в драке – мечом, копьем или дубиной, – я предпочел бы уклониться от нелегкого выбора.

– А кто спрашивает? – голос Оррика тоже не блистал дружелюбием.

– Гюго из Архана, помощник главного инквизитора. – Рука воина сжалась на рукояти меча, а его глаза впились в наши лица.

Оррик подвигал плечами, словно сбрасывая на землю груз. Я почувствовал, как из него готов вырваться вздох облегчения. Все не так страшно? Помощники нас не пугают? Или тут к своим не цепляются? Да вот беда, мы только что условились, что визитки с инквизиторским вензелем больше не раздаем.

– Меня зовут Оррик, я изредка продаю свой меч, если как следует позвенеть монетами, – мой спутник позволил себе улыбнуться. – Сейчас мы с моим верным слугой сопровождаем господина Аридила в его нелегкой и крайне опасной службе.

Эльф пошевелил пальцами, даже не удостоив говоривше-

го взглядом. Я оценил прием: рука качнулась едва-едва, на миллиметр, не больше, демонстрируя хваленую первородную спесь и то, что он не зря посещал уроки по этикету. Я слышал, что подобное нарабатывается годами, а сегодня убедился в этом воочию. Никаких слов не хватит, чтобы описать достоинство, с которым Аридил проделал все вышеуказанное, да и не нужны здесь слова – ты чутьем чувствуешь, что он не прост.

Аура отряда стала светлеть, вблизи все распалось на отдельные элементы, я физически ощущал, как напряжение потихоньку отпускало этих людей, напряженно тискающих рукояти оружия. Хоть они изначально не чувствовали особой опасности – нас трое, их десять, – все равно держали себя на взводе: мало ли как там повернется?!

– Что вы делаете на дороге одни? – воин все ещё с прокладцей посматривал в нашу сторону, хотя уже и без прежней воинственной настороженности. – Вы разве не знаете, что это небезопасно?

Интересно, если бы среди нас не было эльфа, он вел себя так же сдержанно?

Из-за поворота вдруг показались еще два всадника. Один выглядел, как и все остальные в отряде, который мы повстречали (ватник да копье – вот весь его арсенал), а вот второй – второй настолько привлек мое внимание своим внешним видом, независимой позой и кричащей расцветкой одежды, что я чуть не упустил нить разговора.

– С каких это пор в Архане путникам угрожает опасность? – спросил Оррик, и я обратил внимание, что он тоже с удивлением поглядывает на вновь прибывших, но мне показалось, что инквизитор определённо в курсе происходящего. Впрочем, Аридил встретил новость и гостей вообще без каких-либо эмоций. И даже я не понял, как он относится к данному заявлению. Складывалось ощущение, что только я один не знаю, что происходит.

Гюго проигнорировал вопрос Оррика и не представил нам новых спутников.

– Нам осталось заехать в одно место, – он убрал руку с оружия, обращаясь теперь напрямик к Аридилу, – я настоятельно рекомендую отправиться с нами. Это не займёт много времени, а потом мы должны соединиться с другим отрядом. Его возглавляет главный инквизитор Архана. – Понаблюдав за нашей реакцией на столь громкое звание, Гюго совсем расслабился. – Отец Поль с удовольствием вас выслушает и, если посчитает нужным, ответит на все вопросы. Но в любом случае, уверен, под нашей охраной путешествие более безопасно, чем если вы продолжите путь втроём.

Не очень приятное замечание, но Гюго слишком пристально наблюдал за нашими лицами, а под конец опять положил пальцы на рукоять меча. Расслабиться-то он расслабился, но бдительности не терял, так что у нас, похоже, не оставалось выбора. Если мы не пойдём сами, нас скрутят в два счета, и тогда ни о каком продолжении путешествия не

будет и речи. О том, что моим спутникам придётся положить весь отряд, я старался не думать, как, впрочем, не сомневался и в том, что им это под силу.

За эльфа ответил Оррик.

– В большой компании дорога короче, – весело сказал он, поворачиваясь к нам. – Господин, вы не против сделать небольшой крюк?

Эльф лишь пожал плечами, а моим мнением не поинтересовались.

Спустя час мы попали в засаду, где судьба вновь свела меня со смертью один на один.

ЧАСТЬ 3

Глава 1

Вы боитесь смерти? Что за глупый вопрос?

В большинстве своём по той или иной причине смерти бояться все. Но я боялся не смерти, а того, что ждёт меня после, потому что абсолютно точно знал о последствиях. Князь Аэлрэль, позвольте снять шляпу, вы идеально разбираетесь в людях. Да и чего иного ждать от существа, которое, подумав только, старше всех городов на Земле, ныне существующих и разрушенных, погруженных в забвение.

Как описать то, чего нет? Это меня больше нет. Нет тела, рук, ног, головы и ушей – я не чувствую их, словно мой мир вдруг сузился до ничтожных размеров. Я где-то. Не нахожусь, не оказался, не завис – все не то, я именно где-то, не здесь. Глаз тоже нет, я не вижу, не чувствую, не ощущаю, словно все это тоже убрали. Мне страшно – это единственный штрих, который не дает мне забыть, кем я был до того. А потом начинается...

Легкое касание, меня словно лизнули, но в прикосновении нет ничего приятного. Как я почувствовал? Словно кто-то тронул палец на затекшей ноге. У меня не было тела, и все же я как-то понял: прикоснулись ко мне, к тому, что

составляет меня. Чувствовала невидимая, неосязаемая субстанция, обвивающее мое нынешнее «я» со страхом посередине.

Следующее касание молнией пронзило мое сознание насквозь, а затем что-то принялось за меня всерьёз: мою оболочку и все, что под ней, рвали на части, жгли, били, кромсали, выдирая куски. Я завыл, потому что вдруг понял: сейчас разрывают на части душу, то, что составляет меня самого. Если мне не удастся сохранить все, до последней частички, я потеряю себя, забуду, кем был, кого любил, уважал, боялся и ненавидел. Да! Мне были дороги даже враги, потому что когда-то стали частью меня, закалили, обидели, унизили, но именно из-за них я такой, какой есть.

Я принялся сопротивляться, выхватывал оторванные куски, заживлял порезы, лечил прорехи, отнимал обратно то, что пытались украсть. Сколько так продолжалось? Вечность? Секунда? Времени тоже не было. Только когда я увидел над собой склонившего голову князя, с заинтересованной улыбкой наблюдающего, как я возвращаюсь к жизни, мне пришло понимание двух абсолютных истин: я больше никогда не умру, потому что Аэлэрэль не прав – Убийца теряет часть себя даже после первой смерти, пусть это и не так заметно; и второе: человек, заставивший меня пройти через это, умрет – пусть не сейчас и не здесь, но прощать то, что я пропустил сквозь себя, нельзя никому.

– ... везучий сукин сын! – голос Оррика раскатами гремел

над головой, но с закрытыми глазами не слишком понятно, ругается он или искренне радуется. Надеюсь, это всё-таки радость за жизнь своего подопечного, а не желание поскорее его прибить, а уж за что – найдётся.

Я разлепил один глаз, второй по-прежнему отказывался мне служить. Над головой вечерело, на ветру размахивали ветвями деревья, листья из последних сил держались за свое место, дрожа от страха, что однажды их все-таки унесет. Если мне не изменяет память, на засаду мы вместе с отрядом Гюго нарвались где-то к обеду, а сейчас солнце определённо готовилось на боковую. Я не зря вспомнил свою первую смерть. В этот раз никаких болезненных ощущений не было. Похоже, мне опять удалось обмануть старуху. Не иначе, как чудо – в тот самый последний момент, когда надо мной скалой навис тот воин с раззявленным в отчаянном крике ртом, я уже попрощался с жизнью. Мои воспоминания обрывались на том, как я без остановки, словно боек швейной машинки, колот его ножом в пах. Глаза мужика, в которых пылали боль и изумление, до сих пор стояли перед внутренним взором. Потом что-то тяжелое опустилось мне на голову. Сколько же я был без сознания?

– Я его убил?! – Голос казался чужим, чересчур резким, каркающим, как будто мне накинута сразу десяток лет. Драться мне приходилось не раз – язык тела иной раз доходит до человека гораздо быстрее слов, – но вот так, хладнокровно или пусть даже в горячке, бить человека ножом...

Чьи-то сильные, грубые руки уперлись в спину, и мне пришлось подчиниться: сидя пить гораздо удобнее. В губы уперлась деревянная миска, и в горло хлынула обжигающе-горькая гадость вперемешку с палочками, комками и еще бог знает чем – как будто дали выпить заварку, не процеживая ее. Мне пришлось подчиниться, чтобы не захлебнуться этой бурдой.

– Ты заколол этого выродка, как свинью! – загоготал Оррик, пыхтя над ухом и продолжая меня поддерживать. – Чтобы такой сопляк прирезал простым ножом гарнского людоеда, – он почмокал так, будто пытался на вкус распробовать новое пиво, – такого ни разу не слышал, не поверил бы и даже дал бы за вранье по морде. Но я видел это своими собственными глазами!

Мне, в отличие от Оррика, было не до восторгов: меня мутило. Вот только не пойму, из-за слабости мое состояние или от мысли, что убил человека. Это уже самое настоящее убийство, все, что я совершил до этого, можно было списать на определённые обстоятельства. Даже то, что мне пришлось полоснуть по горлу человека, который фактически умер. Сейчас же жизни лишился абсолютно здоровый дядька, и ничего не менял тот факт, что в противном случае на земле сейчас валялся бы я сам.

– Людоед? – вяло спросил я первое, что пришло мне в голову в перерывах между порциями отвратного зелья.

– Гарнские людоеды – лучшие наемники мира, – заметил

Оррик, внимательно наблюдая, чтобы я не халтурил и допил все до дна. – Пей-пей, я не отстану, пока не увижу доньшко этой чаши.

– Почему людоеды? Они жрут людей?

Оррик наконец своего добился и опустил меня на спину, подложив под голову что-то мягкое – странно, он ухаживал за мной так, будто я вот-вот должен отправиться на тот свет, но я не чувствовал ничего особенного, наоборот, только бодрость: меня стремительно заполняла энергия. С чего вдруг такая неожиданная реакция? Минуту назад у меня с трудом шевелился язык.

– Жрут людей? Можно сказать и так. Мне приходилось с ними сталкиваться, – он хмыкнул, – по обе, так сказать, стороны. Бьются страшно, обходятся нанимателям в два раза страшнее. Далеко не каждый может позволить себе в дружине иметь даже одного людоеда, а тут целый десятник!

Он хлопнул меня по плечу.

– А ты удивил меня, парень, не думал, что увижу такое. – Он почесал бороду, как делал всякий раз, когда задумывался о чем-то. – Прав отец Тук, кругом прав.

Я попытался встряхнуться: наконец-то что-то весьма интересное!

– В чем прав?

Оррик потрепал мои волосы и ухмыльнулся:

– Ты давай, значит, поспи, а потом мы о многом поговорим.

Я действительно чувствовал, что глаза стали слипаться. Только что сна ни в одном глазу, и вот на тебе! Последнее, что я помню, были слова эльфа и ответ инквизитора.

– Уснёт?

– Я сделал двойную порцию, епископ предупредил, что парнишка только с виду хлюпик.

Повторное пробуждение оказалось гораздо приятнее первого. Я открыл единственный глаз, оттянул повязку, потер пустую глазницу. Регенерация не спешила, глаз по-прежнему ничего не видел, ни намёка на свет или ещё какие приметы – темнота и не думала уходить, когда я пытался проверить, есть ли хоть какой-то прогресс. И все больше закрадывалась подлая мысль, а не соврал ли князь, ну, или, может, немного преувеличил.

– Пивка бы, – задумчиво протянули слева, и я понял, что все возвращается на круги своя: пиво для инквизитора было почти то же самое, что для среднего класса квартира – если нет войны, наличие обязательно.

Я попробовал встать, и мне это без труда удалось! Руки-ноги работали, и вообще, я чувствовал, будто родился заново. Что вдруг вчера случилось, почему Оррик решил, что я умираю? Этот вопрос я задал ему немедленно, пока инквизитор неторопливо помешивал котелок, живо принохиваясь к духу, идущему от похлебки.

– Нож – крайне опасная штука в умелых руках. Ты мо-

жешь быть быстрее, сильнее и проворнее человека с ножом, но лично я бы предпочел с ним не связываться, если под рукой нет другого, более веского аргумента. Если твою шкуру порезали, ты ещё можешь бежать или драться, но жизнь начинает вытекать из тебя, как вода из дырявого бурдюка. Ты уже мертв, хотя и не догадываешься об этом. Наёмник, с которым ты сцепился, был слишком матерым бойцом. И в этом оказалось твое спасение: ему и в голову не могло прийти, что кто-то посмеет броситься на него с ножом. Вот он и не успел среагировать – никто не успел бы, – но сразу догадался, что его везение кончилось. Впрочем, у него оставалось еще достаточно сил, чтобы уйти к богам не в одиночку. Тогда он решил забрать с собой и тебя. Стоял ты чересчур неудобно, времени на размышления у твоего обидчика было в обрез, так что он использовал первое, что попало под руку, и врезал тебе рукоятью меча, хотя и этого, уж поверь, с лишком хватает, чтобы отправить на тот свет человека. Мы с эльфом до сих пор не можем взять в толк, какую же твердую кость надо иметь, чтобы отделаться шишками. У другого на твоём месте от таких ударов она бы лопнула, как гнилая тыква, – Оррик покачал головой и тут же вскричал: – И чем ты только думал, бросаясь на него с ножом?!

Вот, значит, почему у меня померкло в глазах! Я потрогал затылок и обнаружил три здоровенные шишки. Дотрагиваться до них было больно, но все же отрадно слышать, что голова у меня крепче, чем чей-то меч. В таком случае дей-

ствительно чудо, что я ещё жив и даже в целом здоров.

Оррик сделал глубокий вдох и с шумом выпустил воздух из лёгких.

– Когда ты остался один на один с наемником, признаться, я едва не завыл: мне до того надоела эта ходьба, что хотелось размяться, и разделаться с парой бандитов казалось неплохой возможностью развеять скуку. В одном я ошибся, думал, что всяко успею тебя прикрыть, ведь я считал, что контролирую бой. Появление наемника оказалось полнейшей для меня неожиданностью, – продолжал свою повинную речь Оррик. – Если бы не твое везение, лежать бы тебе сейчас с дыркой в пузе, – Оррик глубоко вздохнул. – А может, и я заодно с тобой лег бы где-нибудь рядышком. Десятником у людоедов стать ой как не просто. Вполне может быть, что я обязан тебе жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.